

Львиная сага

Произведение, основанное на «Хрониках земель прайда»
Авторы: Джонн Буркитт, Дэвид Моррис

Юридическая заметка: эта оригинальная, защищенная авторским правом работа основана на мультфильме Уолта Диснея «Король лев». Элементы, взятые непосредственно из «Короля льва», являются собственностью компании Уолта Диснея. «Львиная сага» распространяется бесплатно, за исключением случаев взимания разумной платы за распространение. Использование частей нашей работы, создание оригинальных произведений, основанных на нашей работе, или использование персонажей является допустимым лишь в случае нашего предварительного одобрения. Такое одобрение осуществляется путем пересылки любому из нас копии вашей работы. Наши электронные ящики:

Джон Х. Буркитт: john.burkitt@nashville.com
Дэвид А. Моррис: damorris@wilmington.net

Ваши отзывы о нашей работе, как негативные, так и позитивные, полностью приветствуются.

Эта работа — художественный вымысел, но мы не утверждаем, что любое сходство с какими-либо реальными персоналиями (живыми или мертвыми) является совершенно случайным. С любовью и уважением воздаем мы долг тем, кто научил нас улыбаться и плакать.

Авторское вступление

Этот текст — возврат к самому себе, как писателю фанфиков; и возврат этот произошел, когда Дэвид впервые проявил интерес к духовным и мифическим граням Хроник. Теперь я с трепетом постараюсь преподнести эти грани так, чтобы и вы смогли прикоснуться к тому наследию, которое львица передает своим детям.

Эти истории расположены в определенном, выверенном порядке. Разные рассказчики из разных времен поведают нам свои истории, и вы узнаете многих старых друзей из серии «Хроник». Вы заметите, что многие из них покажутся в необычном свете.

Я желаю отметить три важных вещи. Первая: я пытаюсь и далее продолжать самодостаточный цикл произведений. Вторая: я создал работу, которая требовала совсем иного стиля, нежели остальные. Третья: я выставляю напоказ собственные чувства и идеи. Львы верят, что если посмотреть на свое отражение в воде и сказать ему нечто, не отвернувшись, то это значит, что сказанное — суть истина. Потому я смотрю на свое отражение, и говорю: «Я дерзну». И не отвернусь.

Джон Буркитт, Нэшвилл, штат Теннесси
23 марта 1997 г.

Текст, который вы прочтете, вмещает в себе множество смыслов. Если упростить, то это — история о львиной саге: рассказы о героях, злодеях и событиях, что укрыты тайной. Львами и львицами они передаются детям, как легенды.

Но это также глубокий взгляд в наши души: Джона и мою. Истории, что поведаны здесь, охватывают весь цикл наших «Хроник»... И большинство из них — квинтэссенция того, что повлекло нас создать весь цикл.

Мы приглашаем вас разделить их с нами.

Дэвид Моррис, Вилмингтон,
штат Северная Каролина
23 марта 1997 г.

От переводчика: «Львиную сагу» трудно понять, если нет хотя бы поверхностного знакомства с циклом «Хроник». К сожалению, на русский переведена лишь первая часть цикла — «Наследие Ахади»; остальные еще ждут своего часа и недоступны читателю, который не владеет английским. Потому меня могут справедливо упрекнуть в непоследовательности, ибо «Львиная сага» — пятая часть цикла.

Тем не менее, всем, кто знаком с миром «The Lion King», с миром «Хроник», у кого они оставили неизгладимый след в душе, тем будет интересно прочесть «Львиную сагу». Я же, в свою очередь, пытался передать всё тихое очарование этого текста.

mso

Пролог

Макака медленно, благоговейно провел пальцами по телу Узури. Когда слезы упали на ее шерсть, он вспомнил множество счастливых и беззаботных мгновений детства, когда он — еще дитя — обнимал эту сильную, мягкую шею и льнул к ее телу, чтобы уснуть. Но ярче всего он вспомнил ее голос, что тихо рассказывал легенды под звездным небом.

— Сейчас ты с Мано и Миншасой, — прошептал он. — Теперь они для тебя много больше, чем легенды.

Лаская ее щеку, он утер горькие слезы.

— О мама¹, моя любовь найдет тебя везде. И когда-нибудь я тоже найду тебя.

С печалью подошли львицы Миша и Свола, чтобы взять тело сестры по прайду на место вечного покоя. Миша мягко, но решительно взяла переднюю лапу Узури, а Свола — шею. Вместе, они потянули тело, и оно протащилося на половину собственной длины. Ужас сжал Макаку изнутри.

— О боги, не причиняйте ей боли! — Макака растянулся по телу Узури и обнял ее шею. — Не вонзайте клыков! Глядите — это кровь на ее шерсти! Боги, она истекает кровью! Кровью!

— Это лишь ее тело, — со спокойствием сказала Миша. — Ее Ка сейчас на небесах, рядом с Айхею.

— Но это ведь кровь! Глядите — ей больно! Видите ли вы?! — он судорожно обхватил собственное горло, начав задыхаться. — О, нет!

— Не забывай о своей астме! — молвила Свола, мягко потершись щекой о него. — Расслабься, хороший. Постарайся.

Стараясь вдохнуть, Макака большими глазами глядел на вход в пещеру. Его жалкие, беспомощные вдохи не могли дать воздуха для пламени его жизни; мучаясь, он пополз к той, которая могла помочь ему. Он даже не мог позвать ее по имени.

— Анаса! Подойди быстрее! — закричала Миша. — Ты нужна ему!

Жена Макаки поспешила, взяв сумку, которую она всегда носила именно для таких случаев. Она дрожащими руками перебирала в ней различные лекарства и, наконец, вытянула несколько листьев среброжилки. Она размяла их в пальцах, обняла мужа и приложила эти ароматные листья к его носу и рту. Пряный запах мяты достиг его легких; паника угасла в его глазах, а его дыхание стало ровнее.

— Вот так, милый. Расслабься, дорогой. Всё будет хорошо, мой бедный, дорогой супруг! Дыши глубоко. Вот так, милый. Пусть дыхание твое течет глубоко и медленно, как кристальная вода чистого родника. Подумай о водной глади, о покойной, глубокой воде, и пусть воды медленно унесут твою боль.

Благодаря среброжилке и ее нежной любви Макака расслабился, а потому начал дышать хорошо и ровно.

Анаса кивнула Мише, и две львицы взялись за ношу снова. Сильно ухватив тело, они унесли Узури в последний путь.

Когда Макака снова обрел дар речи, он вздрогнул и сказал:

¹ Узури была лучшим другом и воспитателем Макаки; он в свою очередь, с самого рождения лишился матери.

— Она истекала кровью! О боги, это ужасно! — он поглядел на ладонь, на которой остались багровые следы ее жизни. — Ее нет. Всё, что осталось от нее — лишь пара капель крови!

— Я взяла немножко ее шерсти, — тихо молвила его жена. — Она позволила мне взять ее вчера, лично для тебя. Она знала, что конец близок.

Макака взял золотое сокровище и вдохнул знакомый запах. Подбородок его дрогнул, слезы покатились по лицу.

— Ты даже не представляешь, что это значит для меня. Спасибо!

Анаса обняла мужа, и он плакал на ее плече.

— Ты должен поблагодарить Мишу и Сволу. Узури осталась здесь лишь потому, что они пообещали отнести ее прочь, и теперь они тащат тяжелое тело на восточный луг. Это всё лишь для того, чтобы ты и Рафики могли побыть с нею еще несколько мгновений.

— Ты права, — сказал он, вставая, чтобы утереть слезы. — Ах, Миша и Свола. Я обошелся с ними так плохо. Отдам им несколько кусков, которые поберег для львят. Они такие славные подружки.

Его дух начал успокаиваться и обретать равновесие.

— Я повожился, как глупец. Надеюсь, я не задел их чувств.

— Они поймут, — Анаса обняла его плечо и прижала к себе. — Они любят тебя, как и я.

Он также прижался к Анасе и поцеловал ее.

— Моя маленькая Нисеи. Как я бы жил без тебя?

— Надеюсь, ты никогда не узнаешь, — молвила она, положив голову на его плечо. — Мы вместе до конца.

Львиная история начал

«Когда ты король, то помни, что Антилопы пасутся на твоих предках!».

Мудрые речи Джабани

Ахади сидел на оконечности скалы, греясь в лучах утреннего солнца. Молодой Муфаса был настолько близок к обрыву, насколько это мог позволить отец, и глядел на отдаленное стадо антилоп. Их движение сковало внимание молодого льва, и он заворожено глядел, как стадо изменяло форму, как единое черное облако. Така спрятался между передними лапами отца, в его большой, мягкой гриве. Ахади подарил взгляд Таке и молча поцеловал его меж ушей. Нет смысла говорить в такой момент, и Така просто прижался к лапе отца и лизнул ее.

Утренний урок должен вот-вот начаться; времени с ним не стоит — Муфаса увлечется играми и приключениями, и не сможет внимательно учиться. Если бы Така был единственным сыном, то всё было бы гораздо проще, поскольку он перенял от матери терпение и любопытство. Он поглощал знание, как сухая земля впитывает дождь.

Ахади посмотрел на луну, что уходила с неба прочь; легкий утренний ветер, предвещающий новый день, развеял его гриву.

— Вначале был Айхею Прекрасный, — молвил Ахади. Его голос может быть громким и грозным, но сейчас он приятен и мягок, как теплые объятия. — Айхею был первым существом в мире, родителем всей жизни. У него было множество детей-духов, и он даровал им свои знания и любовь. Это было счастливое время, но кое-чего детям его не хватало — они были одиноки. И Айхею ощутил, что они жаждут чего-то большего.

Потому Айхею ушел в мир Маат, который тогда был преисполнен тьмы и пустоты. Он дал небесам этого мира два светила: луну и солнце. И от яркости солнца вода дала небесам облака, и когда из этих облаков излился дождь, то на земле появились растения. И вот мир Маат приобрел красоту вместо ужаса пустоты.

И Айхею призвал своих детей-духов, чтобы показать им созданное. Они сразу заметили красоту земли, а потому остались очень довольны. Со временем они рассмотрели все уголки этого мира, и кому-то больше понравились небеса, кому-то — земля, кто-то предпочел деревья, и некто — воды. Но всё равно они жаждали большего, ибо солнце не грело их, ветер не дарил прохлады, а вода не омывала их, и они не могли ощутить траву под своими лапами. И они спросили Айхею: «Ох, что мы для этой земли? Мы здесь чужие». Потому Айхею смешал немного земли с водой, и своими лапами придавал форму первым телам. Некоторые стали рыбами, некоторые — птицами, остальные — прочими существами мира, что идут по земле и карабкаются по деревьям; и каждый получил то, что нужно для его среды. А потом он вдохнул жизнь в тела, и эти тела стали домом для его детей-духов. Поскольку они, наконец, стали частью мира, то смогли ощутить тепло солнца, прохладу ветра, воды и траву. Они имели это и множество иных удовольствий, но им было дано предупреждение: часто боль есть плата за удовольствие. Но, хотя не каждый из них еще вполне ощутил и понял боль, все они уверили Айхею в том, что удовольствие стоит всякой боли. Это было первым уговором: удовольствие стоит боли.

Така дотронулся до лапы отца.

— Почему некоторые духи захотели стать птицами, а некоторые — рыбами? Я родился тем, кем есть, и мне не дали выбора. А они выбирали?

— Это хороший вопрос. Почему *ты* думаешь, что они выбирали?

— Я не знаю. Я вот что хочу сказать: кто захочет стать птицей, если можно стать львом! Ведь львы сильные, им безопасно жить, и они такие крутые!

— И они должны преследовать свой ужин, их бодают импалы и они не знают полета. Айхею благословил каждого из детей на что-то особенное.

— Оу...

— Ты разве не счастлив быть тем, кем ты являешься?

— Конечно счастлив.

— Можно спросить: почему?

— Если бы я оказался кем-то иным, то не стал бы твоим сыном.

Ахади обнял его большой, сильной лапой, прижав к сердцу, и замурлыкал.

— А я бы не стал твоим отцом, потому нам обоим хорошо.

Он легонько дотронулся к Таке и лукаво улыбнулся, показывая на Муфасу. Не подозревая, что отец смотрит на него, Муффи продолжал наблюдать за стадом антилоп. А отец продолжал, вроде как обычно:

— Львы имеют несколько даров от Айхею. Они едят грязь и валяются в слоновьем помете. А чтобы стало совсем хорошо, они прыгают в колючие кусты и скачут там, пока их шкуры не станут красны от крови. Не так ли, Муффи?!

— Конечно-конечно, — ответил Муфаса, повернувшись. — Все это знают.

— И ты это делаешь постоянно, не так ли?

— Аааа, ну да. Ну, может быть, я иногда забываю... Но забываю изредка, да.

Така начал хихикать и кататься по земле.

— Есть грязь, валяться в навозе!

Муфаса строго посмотрел на брата.

— Ну, может быть, я кое-что упустил...

Ухмыльнувшись, Ахади кивнул и продолжил:

— Теперь, когда вы все слушаете, то внимайте: это тела Маат оказались не вечными. Когда земля, вода и воздух отдельны друг от друга, тогда они спокойны. Когда они смешиваются, они становятся беспокойными и стремятся отделиться. Вот почему смерть и разложение суть часть мира, поскольку элементы, в конце концов, всегда стремятся сохранить свою чистую природу. Айхею знал это, поэтому он сделал так, чтобы этот мир не стал бесплодным. Он пошел к озеру Мара и превратил его воды в первозданное молоко. И все животные были сведены вместе, чтобы пить из него.

Молоко оплодотворяет животных так же, как дождь оплодотворяет растения, поскольку он смешивает ненадолго воду, землю и воздух вместе. И все те, кто испил молока, получили дар самим приносить в мир молоко. Молоко самца может пробудить новую жизнь в его самке, а молоко самки может поддержать эту жизнь. Никто, кроме Айхею, не может сотворить жизнь из земли, просто дыша на нее. Это было вторым уговором: жизнь всегда должна продолжаться.

Муфаса перевернулся на спину и посмотрел на свои маленькие соски.

— Ого, я даже не знал, что мы можем давать молоко!

— Ага, как же, дурачок, — молвил Така с улыбкой. — Боже, ты иногда так глуп! Когда ты вырастешь, то сядешь на хвост своей львице, и у нее будут дети!

— Така! — прикрикнул Ахади, нахмурившись.

Така прильнул к земле, посмотрев на суровую морду отца, затем отвел взгляд. Он выглядел таким испуганным и несчастным, что Ахади не мог больше злиться. Он подошел и приласкал его.

— Сынок, мы обсудим это позже. Кое-что ты должен услышать от отца, а не от своих друзей.

— Ты не сердишься?

— Нет, сын. Скорее, удивлен. Но не называй больше Муффи «дурачком». Иногда он невнимателен, но умен. К тому же, он очень любит тебя.

Муфаса с жалостью поглядел на Таку, а потом отвернулся, стесняясь. Он был так же чувствителен, как и брат, просто выражал свои чувства совсем по-иному.

— Подойди, сынок. Ну, Муффи?

Он посмотрел на Таку, потом отвел взгляд и тихонько подошел к отцу. Ахади потерся с ним щеками.

— Я уверен, что Така очень сожалеет, что сказал это.

Така, рассматривая землю, молвил очень тихо, очень кротко:

— Прости. Я зря обозвал тебя дурачком... Мир?

Муфаса чуть выждал, чувствуя, что Таке следует еще чуть помучиться.

— Ну, сынок? — Ахади дотронулся до него и чуть кивнул. — Ты принимаешь извинение?

— Ну, думаю, да.

Ахади слегка улыбнулся и еще раз коснулся его.

— Думаешь, да?

— Ладно. Прощаю.

Така начал неистово прыгать.

— Невероятно! Неужели еще я удостоюсь обнимашек-целовашек?

— Сейчас будут тебе целовашки! — прорычал Муфаса, готовясь к прыжку. Он сцепился с Такой, и они начали бороться, смеясь.

— Прекратите! — Ахади пришел в ярость. — Только не здесь! О боги, вы что, хотите свалиться и погибнуть?!

Муфаса взглянул на свою левую заднюю лапу. Два когтя уже находились над пропастью; дрожа, он прижался к земле и быстро отполз прочь.

— Что ж, давайте закончим урок, пока я еще держусь на лапах, — Ахади с грустью смотрел вдаль, а потом глубоко вздохнул. И продолжил:

— Мир был огромен, но не безграничен. И потому Айхею предложил своим детям две тропы. Они могли выбрать тех, кто бы продолжил жить, а остальным следовало снова превратиться в духов; либо же все они останутся живы в мире Маат, но тогда Айхею придумает другой способ совладать с ними. И все сказали: «Мы все хотим быть равны — все хотим жить». Ибо никто не желал оставаться в одиночестве мира духов. Потому Айхею выбрал некоторых животных и сделал их охотниками, а других — добычей. Так он установил равновесие в мире. От этих первых охотников и этой первой добычи произошли все племена, что живут сегодня. Это и было третьим уговором: полноценная жизнь включает в себя и борьбу. Айхею поделил их на две части, и одна сильно превышала другую в количестве.

«Большей части я дарю травы поля и плоды деревьев. Но чтобы ваше потомство не оставило землю без зелени, я подарю меньшей части жажду крови. Им я подарю в пищу тех, кто ест растения».

Многие из тех, кому было суждено вкушать зелень, уstraшились и возопили к богу, что им не следует так погибать. Им же Айхею ответил: «Я предлагаю вас охотникам, но им надо сначала вас поймать. Вы будьте бдительны, мудры и осторожны, и вы зазря не исчезнете с лица той земли, что я вам дал».

Ахади посмотрел на Таку и Муфасу.

— Что это значит?

— Я, можно я! — тут же вскочил Така.

— Пусть на этот раз ответит твой брат.

Муфаса немного подумал.

— Ну, я думаю...

— Я слушаю.

Така фыркнул:

— Да он не слушал рассказ!

— Нет, Така. Пусть он ответит.

Муфаса сказал:

— Это значит, что бог справедлив. Это также значит, что все мы суть братья, и, несмотря на то, что мы убиваем и едим антилоп, нам не следует их ненавидеть, ибо они одной крови с нами.

Ахади улыбнулся и пригладил его.

— Это именно *так*. Видишь, Така, у твоего отца вовсе не глупые дети! — Ахади подарил ласку и Таке. — Правда ведь, Така?

— Ох, папа!

— Ну?! — он начал щекотать его.

— Думаю, что это не так. Хе-хе.

— Не так?!

Извиваясь и смеясь, Така завопил:

— Ладно, ладно. Ха-ха-ха. Прекрати, пап! Паааапа!

— Ну хорошо уж, живи.

Когда Ахади снова встал прямо, Така быстро прикорнул к груди отца и потерялся в его гриве.

— И когда Айхею воплотил всё это в реальность, он показал им, что это не было случайностью с самого начала, но было частью изначального замысла. Рождение, рост, смерть и разложение — это части одного цикла, которые, как четыре лапы, дают возможность жизни идти вперед. Тем не менее, все дети должны были принять эти три уговора добровольно.

Некоторые из них не захотели их принимать. Эти дети-духи стали первыми Нисеи — добрыми духами, которые следят за равновесием мира. Их часто называют богоподобными, хотя, на самом деле, они есть наши братья. Истинные боги исходят из озера, полного молока, и все они настолько же добры, как Айхею.

И вот однажды жил-был Коко, сын племени горилл, и он шел мимо этого озера. Он очень хотел сына, но все самки отказывали ему. Потому он сделал маленького детеныша из глины, но, не обладая мудростью Айхею, не мог вдохнуть в него жизни, а потому этот детеныш был лишь жалким подобием без души. Он бросил этот ком глины в озеро, и он растворился, загрязняя молоко. От грязного молока Мары и произошел ужасный род Макеи. Поскольку глина попала в озеро, потому они смогли обрести черты мира Маат, но не его сущность. И сколько они не желали удовольствия, они не могли испытать его. Но печаль и злость — вполне; потому они всячески пробуждали в себе эти чувства, давали им силу и глубину, ибо только так Макеи могли чувствовать себя живыми.

Они воскликнули к Айхею: «Создатель! Отчего ты дал нам только боль? Где наша красота, где наше счастье?».

И Айхею заплакал, ибо их страдание было ужасным. И он сказал: «Хоть вы ни в чем не виновны, но вы — нечисты. Не наполняйтесь обидой, но лучше помните о надежде, которую я предлагаю вам. Очищение приходит изнутри, в чистом сердце и правдивой душе. Вы будете искушаться своей грязью, но вы также полны моего молока, и оно преодолет всё остальное, если вы позволите это. Помните вы, в своей темноте, что мой свет — с вами, и он освещает вам тропу истины».

— А что случилось с гориллой? — спросил Муфаса.

— Коко покался в содеянном, и получил прощение. Айхею даровал ему власть над глиной, чтобы очистить озеро, и он стал его хранителем, пока оно вконец не иссохло в конце первой эры. Поскольку он пил молоко каждый день, он состарился лишь тогда, когда кончилось молоко; а его жизнь длилась две сотни и семь десятков лет.

— Но если Айхею не давал ему умереть всё это время, — молвил Така, — то получается, он вознаградил его за проступок.

— А кто сказал, что это было наградой? — с ухмылкой спросил Ахади. — Тебе бы понравилось охранять это озеро две сотни и семь десятков лет?

— Теперь я понял.

— Лично я буду рад, если смогу хорошо позаботиться о вас, и божьей волей умру первым, как оно и должно быть, и никогда не увижу смерть моих сыновей.

— Но я ведь тоже не желаю видеть твою смерть! — сказал Така, сильнее прижимаясь к отцу.

— Конечно не желаешь. Но по прошествии времени ты и Сараби поженишься и будете иметь множество забот со своими детьми. Я так же скучаю за своими родителями, но большинство времени у меня занимают мысли о вас и вашей маме. В один прекрасный день вам будет о ком заботиться, а потому вам не будет так больно.

Ахади продолжил рассказ:

— Я не хочу, чтобы вы пребывали в неведении смерти, которую дает Айхею для своих детей. Когда кто-то умирает, и его душа радуется богу, то он становится одним из земных Нисеи. Они приглядывают за благополучием тех, кого оставили на земле. Самыми великими из земных Нисеи есть Великие Короли Прошлого и те, кого благословил Айхею за доброе правление. Коко стал одним из земных Нисеи. Но есть среди нас те, чьи помыслы лишь злы, и они после смерти присоединяются к Макеи. Они обречены бестелесно скитаться по земле, пока не найдут свет Айхею в себе самих и обретут искупление добрыми делами. Макеи — их имя, а это значит «те, кто приносят слезы», потому что Айхею плачет, видя их страдания.

Первые дети Айхею были близки к своему богу и друг другу, ибо их души свободно сновали вместе по миру. Но те дети, которым было суждено родиться в бранных телах, не могли слышать слов бога. Чтобы предотвратить полную утрату связи, Айхею даровал некоторым из них способность слышать его, когда он говорит. Их называют шаманами. Им было указано приносить слово Создателя своему роду с честностью и безо лжи. Шаман, что лжет, суть хуже Макеи, и Айхею не будет плакать за ними или раскаиваться за свой гнев на них.

— А есть львы-шаманы? — спросил Така. — Или это только обезьяны, как Маккеди или Рафики?

Ахади улыбнулся со смешком.

— Львы-шаманы существовали, но их было мало. У нас много забот, нам нужно защищать наши семьи и хорошо править. Львиц же среди них было значительно больше, но им обычно приходилось охотиться для своих любимых и детей.

— А что, у обезьян меньше забот?

— Я бы так не сказал, — заметил Ахади. — Каждый раз, когда я вижу Рафики, то он чем-то занят.

— Да, прямо как ты, — вздохнул Така. — Если бог принес нас в этот мир, чтобы мы веселились, то почему в жизни столько всяких забот?

— Иногда я сам этому удивляюсь, — ответил Ахади, поцеловав его. — Но знаешь что? Когда я обхожу земли, я думаю о том, что мои сыновья и моя львица в безопасности, и это согревает мне сердце. И когда я прихожу домой, то всю любовь, что подарена мне, я ощущаю много сильнее, ибо знаю — я заслужил ее. Тяжесть трудных времен делает прекрасные времена особенными, — улыбнулся Ахади. — Расскажам конец. Теперь идите и поиграйте.

Муфаса подпрыгнул и поцеловал Ахади на прощание, а потом убежал, как освободившийся пленник. Така продолжал покоиться в мягкой гриве отца.

— Что такое, Така? Почему ты не убегаешь к своим играм?

— Ты сказал, что мы потом поговорим. Что ж, я готов.

— Ты дрожишь, сын мой. Почему? Я на тебя не сержусь!

— Не сердишься? Разве?

— Я не говорю того, чего не думаю, — он лапой прижал Таку к себе. — Я просто желаю знать, что там тебе наговорили твои маленькие друзья. Я даже не буду спрашивать их имен.

— Ох...

— Ладно, тогда ступай, поиграй с Муффи. Мы потом поговорим. Я — опытный лев, и могу рассказать тебе такие вещи, о которых твои друзья и не мечтали. И когда они будут рассказывать всякую чепуху, ты лишь улыбнешься и подумаешь о том, сколь они наивны и глупы.

Така смешливо улыбнулся и начал уходить.

— Ты ничего не забыл?

Така в ужасе обернулся. Он поспешил к Ахади, и когда король пригнулся, он поцеловал его несколько раз.

— Пап, ты знаешь, что я люблю тебя. Я просто забыл. Честно!

— Я знаю. Видишь ли, я знаю, что Муффи любит меня, поскольку он говорит мне это каждый день. Но тебе не нужно этого говорить. Всё, что ты делаешь, показывает твою любовь.

Встав на задние лапы, Така оперся о большую гриву отца. Он стоял так несколько мгновений, нежась щекой о щеку отца, а потом встал назад и ушел искать брата. Ахади поставил лапу на то место, где сидел его сын. «Мне часто приходится повторять это снова и снова».

Первые львята

«Дети, вы желали чего-то особенного? Вот, смотрите, это редкий деликатес: черная зебра с белыми полосками!».

Львиная шутка

Иша знала, что лучшее время для историй — раннее утро, как раз перед охотой. Для нее это были умиротворяющие мгновения перед трудной работой — добычей пищи; а для ее детей это было прекрасным времяпровождением с матерью перед тем, как она оставляла их на попечение няньки.

Иша разлеглась на скале, где она провела столько ночей, а ее дети прикорнули к ней. Ее сын, Хабусу, и Лисани, дочь Бисы, приготовились слушать рассказ. Хабу улегся поближе к «Мисс Присс» — так называли Лисани во прайде — которую он любил всем сердцем и часто называл своей невестой, несмотря на ее совсем небольшой возраст.

Ощувив, как Лисани мягко прислонилась к ее подбородку, Иша глубоко замурлыкала и положила лапу на маленькую грудь, ощущая биение ее жизни. Хабу же сидел прямо, наблюдая за кисточкой неугомонного хвоста Иши. Ему уже не пристало охотиться за кисточками хвостов — слишком большой; тем более, что зубы у него уже острые. Но, тем не менее, никто не может запретить *желать* поймать эту кисточку. Когда Лисани мурлыкнула и подмигнула ему, то он подошел и встретился с нею нос к носу так же трогательно, как и всегда; эта нежность неизменно вызывала улыбку у Иши.

Глубоко вдохнув, Иша чуть задержала дыхание, а потом выдохнула через рот.

— В первые дни все создания, что их сотворил Айхею своими лапами из глины, получили от него жизнь; и так неутомимые духи Времени Снов обрели плоть и кровь, а также получили возможность ощущать вещи, а не только мыслить их.

Им была известна любовь, ибо мудрый Айхею избрал тело для каждой Ка, и все, чья любовь была большой и прекрасной, могли сойтись вместе. И первый лев Баба и первая львица Мамаан смотрели в глаза друг друга, зная: они созданы друг для друга, а их любовь — изумительна и безбрежна.

И когда Баба подышал на щеку Мамаан, в ней зародилась жизнь.

— Эй, не так близко! — испуганно сказала Лисани для Хабу и потеряла свою щеку. — Он дышал на меня! Тетя Иша, скажите ему прекратить! Я еще слишком мала, чтобы иметь детей!

Иша поглядела на нее, сначала с истинным удивлением, а потом она еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Она посмотрела в сторону, но сдавленный

смешок предал ее. Иша в отчаянии закусила лапу, на глазах выступили слезы, а потом она, перекатившись, взывала от смеха.

— О боги, Лисси, это уж слишком! Прости, но честное слово!

Лисани сердито поглядела на нее.

— Я просто стараюсь следить за собой. Разве это не то, чему ты меня учила?

Иша улеглась и прикрыла глаза, а потом бросила взгляд на Лисани. И снова начала смеяться, и прошло немного времени, прежде чем она смогла успокоиться.

— Гляди, Лисси. Так *принято* говорить. Такое выражение. Примерно такое же, когда я говорила Комби не плести узел в хвосте. Это лишь *выражение*. Ты можешь хоть в глотку ему запрыгнуть — ничего не случится. Так ты не забеременеешь.

— Оу... — она посмотрела на Хабусу, уши которого прижались от истинного смущения. — Прости, Хабу. Прости.

Она обняла его, потом поцеловала, а потом еще раз обняла; потом же положила голову на его плечо и замурлыкала.

— Когда-нибудь, когда мы будем готовы, я буду с гордостью носить под сердцем твоих детей.

Уши Хабу отжались.

— И что было дальше? — спросил он.

У Иши получилась небольшая заминка — она старалась вспомнить, на чем кончился ее рассказ.

— Что ж, после того, как Баба и Мамаан совершили эту особенную вещь, которую делает всякая влюбленная пара, в Мамаан зародилась новая жизнь. Прошло две луны, и это стало весьма заметным; но они не понимали, что происходит, и не могли понять свет в ее глазах.

Иша откашлялась.

— Это, кстати, еще одно выражение. Оно означает, что некто ожидает детей. Как я и сказала, после двух лун ее беременность стала очевидной. В страхе Мамаан взмолилась к Айхею, чтобы он исцелил ее: она полагала, что заболела. Айхею лишь улыбнулся и ответил: «Ты не умрешь. Наоборот, радуйся, потому что ты принесешь жизнь в мир». Баба и Мамаан не понимали происходящего, ведь у них ранее не было детей. Но они верили богу, а потому сносили все трудности беременности, ожидая того, что им пообещал Айхею.

И когда родилось двое львят, которые стали первыми из родившихся среди львов, то это вселило радость в сердца их родителей. Львёнка назвали Хуба, потому что он был рожден в любви. А львёну назвали Раджуа, потому что она была обещанием надежды.

— Мальчик и девочка, — заметил Хабу. — Прямо как мы.

— Точно! Прямо как вы, — Иша поцеловала его. — Ты был рожден в любви. А Лисси — это обещание надежды.

Она поцеловала и ее.

— А что это за особенная вещь такая? Что они делали? — с любопытством спросил Хабу.

— Если я скажу сейчас, то это испортит твою церемонию посвящения. Такие вещи нужно узнавать в определенное время, и твой отец — надеюсь — поговорит с тобой об этом. Я не хочу делать это вместо него.

— Но я не хочу сделать что-то не так. Ну, я имею в виду, что я еще слишком мал, чтобы заботиться о детях. И мне стоит знать, чего делать не следует.

Иша улыбнулась, но на этот ее улыбка была серьезной.

— Если у тебя нету гривы, то этого не случится. Поверь, Хабу. Давай поговорим об этом. Кстати, не вздумай слушать того, что тебе будут рассказывать друзья. Однажды, когда я и Адженти были маленькими, то — вам будет трудно это представить — Адженти полагала, что сможет объяснить мне, откуда берутся дети. Она рассказала, что отец высаживает маленькое семя, и что со временем оно вырастает в дитя. Это было еще одним выражением, но я этого не знала.

Она посмотрела вниз и полупшепотом добавила:

— И в один прекрасный день я зарыла семечко манго под камнем. Я ждала целую неделю, чтобы увидеть результат.

— И ничего не случилось, — сказала Лисани. — Это ж глупо.

— О, разве? — она внимательно посмотрела на них. Напряжение ожидания витало в воздухе. — Я подняла этот камень и... выскочила мышь! Пи-пи-пи! — засмеялась Иша, приложив лапу к голове. — Я почти целый день провела в попытках поймать мое дитя и выяснить, мальчик это или девочка! Не стоит и говорить, что когда моя мама узнала об этом, то Адженти получила хорошую трепку!

Хабу запищал, как мышь, и прыгнул на свою маму. Лисани последовала его примеру, и смеясь, Иша возилась с ними, время от времени крича: «Втяните когти! Когти втяните! Я не так молода, как раньше!».

После того, как Иша перевернулась на спину и сказала «Сдаюсь!», она поднялась, растянулась до боли всем телом, и поцеловала львят.

— Что ж, давайте закончим, пока не село солнце.

Хабу кивнул Лисани, и они устроились, как гордые сфинксы, чтобы дослушать рассказ.

— Айхею пришел посмотреть на львят и научить Бабу и Мамаан заботиться о них. Также он строго предупредил их: всё, чему он их научил, должно передаваться из поколения в поколение — от отца к сыну, от матери к дочери. И так происходит по сей день согласно воле Создателя. И я скажу словами Айхею Прекрасного, который вдохнул жизнь в наши тела: «Пусть мои дети растут во благе и расцвете, и пусть мой дар жизни переходит из поколения в поколение до того времени, пока солнце вершит восход и закат. И я оставлю знак среди вас, что мое благо будет существовать вовеки».

Когда у льва появляется грива, то боги ожидают от него определенных поступков. Он должен быть проверен трудностями жизни, и если он будет достоин, то станет Королем.

И среди детей Бабы и Мамаан был Амалкози, который стал великим; также Король Рамаллах, чьи сыновья Нга и Суфа смотрят на нас со звезд; и был их сыном Малави, отец правителя Мано, чье имя благословенно навсегда.

— Это всё? — спросила Лисани.

— Нет, Мисс Присс. Но если я буду рассказывать все их деяния, то нам придется сидеть здесь до следующих дождей.

История Мано и Миншасы

Юной Ваджанже нравилось быть рядом с Ишей. Их родственные души взаимно разделяли любовь к жизни, что делало всё будничное необычным.

Дженни наблюдала за пчелой, пока та собирала пыльцу на цветке, чтобы отнести ее к своим сородичам в улей. Иша помогла ей отследить путь пчелы к улью, и потом они вместе наблюдали с безопасного расстояния, как эти труженики наполняют улей медом.

— Ты только взгляни на них, посмотри, как они делают это, — сказала Иша. — Только близко не подходи. Каждая из них несет каплю меда, а мед — их пища. Их жизнь протекает в охоте за цветами, как наша — в охоте за антилопами, разве что они не убивают цветов. Знаешь, у них всё прямо, как на небесах.

— Это же прекрасно! — молвила Дженни, подойдя ближе.

— Осторожней!

— Зачем осторожничать? Я не буду ничего трогать.

Пчела восприняла любопытство за угрозу и стала кружить вокруг нее.

— Эй, отстань! — она отбежала и начала кататься по траве.

— Спокойно! — предупредила Иша. — Я сейчас!

— Оставь меня, глупая пчела! Убейся!

Иша подошла к ней; Дженни вертелась изо всех сил. Она наблюдала за этой маленькой добычей, пока пчела не села на шерсть Дженни, пытаясь ее ужалить. Внезапный, но осторожный взмах лапы, и вот уже Иша смахнула пчелу прочь, даже не дотронувшись к ее шерсти. Потом Иша прихлопнула пчелу лапой в траве.

— Проклятье! Ай, ой, ох! — Иша запрыгала на трех лапах, подняв ужаленную лапу вверх. — Мелкая зараза! Да чтобы сгнил весь твой улей!

— С тобой всё в порядке?

— Да, — ответила Иша, усевшись, и начала вылизывать лапу. — Могу поспорить, что я ей сделала больнее, чем она мне.

На шум прибежали Того и Комби. Комби помотал головой.

— Тебе следует осторожней играть с тётёй Ишей!

— Меня укусила пчела, — сказала Иша. — Вон там их улей.

— Ой-ой. Пора уносить лапы.

И Комби начал убегать, а за ним последовали Того и Ваджанжа.

— Эй, постой! — Иша заспешила за ними, хромя на трех лапах. — Дженни, я обещала твоей матери, что буду за тобой приглядывать! Остановись *сейчас же*!

Львята остановились и начали наблюдать, как Иша трудно преодолевает путь к ним, подняв переднюю лапу.

— Ого! С тобой точно всё хорошо?

— Да, Того. Спасибо, что спросил.

— Она хорошенько вас укусила, да?

— Пчелы не кусают, они жалят. Это, как говорится, совсем другая сторона дела, — она присела на землю. — Слушайте, мне сейчас вовсе неохота играть, и за вами бегать я не смогу. Кто-то хочет послушать хороший рассказ?

— Большая битва Мбого! — воскликнул Комби.

— Или что-то такое, где будут дикие собаки! — заметил Того.

— Ой, фу! — фыркнула Ваджанжа. — Я хочу историю о любви. Кигали и Лиша!

— Да кому нужны все эти поцелуйчики! — сказал Того. — Мбого и львица! Это самая лучшая история.

Иша доброжелательно улыбнулась.

— Вот что. Я расскажу вам особенную историю о любви.

— Уходим, дружище, — сказал Того. — Я только что поел и вовсе не хочу вернуть всё назад.

— Ага. Мы пошли.

— Нет, постойте! — Иша продолжала сиять озорной улыбкой. — Это немножко иная история любви. Тебе, Комби, точно понравится — там есть драки. Более того, там и поцелуйчиков не так-то много.

— Ну, если вы обещаете...

Иша смотрела на каждого из львят долго, внимательно. Прошло время, и они с непониманием глядели на нее, но она еще и слова не сказала. Иша всегда умела создать это напряженное ожидание; потому-то все любили слушать ее истории.

— Много лет назад жил себе львенок по имени Мано. Он был любимым сыном Короля Малави и Королевы Пенды. Во времена Мано, большинство из тех, кто не были рождены, но созданы, уже вернулись к Айхею. Лишь немногие помнили, как жить в мире без рождения и смерти во Времена Снов. Но ради этих немногих, Айхею иногда снисходил к своим сотворенным детям.

Мано был беззаботен в те дни. Но для него наибольшим удовольствием в те дни были не игры, но служение родителям. Когда ему исполнился год, он уже вместе с матерью охотился на мелкую добычу; и еще даже грива не начала проявляться, как он уж помогал отцу обходить границы земель.

Сперва гиены дразнили его, а дикие собаки смеялись, когда он метил земли. Но прошли дни, они начали истинно уважать и признавать его, как короля. Малави радовался тому, что однажды земля перейдет к сыну, который вселил восхищение даже в своих противников.

Но в один день Королеву во время охоты ударила зебра, и ее челюсть оказалась сломана. Это было смертельным ранением, потому она ушла домой, чтобы не умирать в одиночестве. Малави с разбитым сердцем подготовил ее к смерти, как и учил Айхею своих детей — начертав знаки вокруг ее глаз и под ее челюстью. А потом зарыдал. Дети прислонились к ней, пораженные печалью. Но среди всех детей Мано печалился больше всех, печалился слишком сильно, чтобы оставить всё, как есть.

Того спросил:

— С нею случилось то же, что с Авиной?

— Да, только несчастная Авина умерла в окружении врагов. Очень жаль, что ты не знал ее, — Иша погладила его по щеке. — Старый бабуин-шаман шел через королевство, чтобы благословить львят. Мано нашел его и пал перед ним, умоляя его помочь.

«Ты хочешь благословения?», — спросил шаман.

«Зебра разбила челюсть моей матери!», — рыдал Мано. — «Она не может есть! Помоги ей!».

Бабуин с грустью посмотрел на него. «Некоторые умирают молодыми. Таков порядок вещей. Только Айхею лично может победить смерть».

«Где мне найти Айхею?».

«Ты полагаешь, что могучий Айхею примет тебя? Ты разве забыл об угоре, что принял твой дед: удовольствие стоит боли, и что они всегда ходят вместе? Что боль — плата за удовольствие?».

«Но если я преподнесу ему дар?», — настаивал Мано. — «Конечно же, он спасет мою маму от гибели, если я отнесу ему дар! Можно ли принести что-либо такое, что можно обменять на жизнь моей мамы?».

И старый бабуин ответил: «Обмен предполагает равноценность того, что обменивается. Тебе придется умереть вместо нее, но еще никто на такое не отваживался».

«Тогда я буду первым», — молвил Мано. — «Ее жизнь вместо моей. Теперь, добрый господин, подскажи мне, где искать Айхею».

«Это не так просто», — ответил бабуин. — «Он на далеком востоке, и путь к нему полон опасности и трудностей. И если ты намерен его увидеть, ты не должен медлить, ибо челюсть твоей матери сломана, а потому она не проживет больше недели. В своих снах ты поймешь, где искать Бога, и сновидения укажут тебе путь, если твое сердце чисто и решимость твоя сильна».

Комби спросил:

— А это всё правда?

— Все мои истории правдивы, если я не утверждаю обратного. Слушай внимательно — ты можешь понять что-то важное для себя, — ответила Иша и продолжила: — Мано пошел к своей матери, чтобы проститься с нею. Она же попросила его подойти. «Сядь возле меня, мой любимый сын. Я приласкаю тебя, пока не ушли все мои силы, и ты вспомнишь меня, когда станешь старым и устанешь от жизни».

Слеза скатилась по щеке Ваджанжи.

— Это так грустно!

— Мано расплакался. «Мама, я тебя никогда не забуду, но я не могу остаться. Я должен уйти на восток, чтобы найти Айхею и принести тебе исцеление».

«Глупое, доброе дитя, останься со мною. Я не доживу, чтобы увидеть твое возвращение».

«Мама, я должен идти. Если я останусь и буду смотреть, как ты умираешь, то никогда больше не буду знать счастья. Благослови меня на это путешествие и молись, чтобы мне всё удалось».

Она коснулась лапой его щеки и благословила, и он ушел навстречу восходу.

Он боялся, что ничего не получится, но также боялся и того, что достигнет задуманного. Как бы там ни было, ему суждено умереть, и он молился Айхею, чтобы его Ка находилась рядом с дедом среди звезд.

— Он умер? — явно обеспокоенно спросил Того.

— Погоди и узнаешь.

— Я всё выслушаю. Просто хочу знать, умрет он или нет.

— Все мы когда-то умрем, — ответила Иша, глядя его мордочку своей нежной лапой. — Послушай меня еще чуть-чуть.

Он не мог ничего сказать брату или сестрам о своих намерениях, а потому страдал в одиночестве. Это была ужасная тайна, которую следовало хранить во мраке среди ясного дня. Несколько львиц прайда попытались остановить его, но он лишь грустно попрощался с ними и ушел. Наконец, родной отец остановил Мано на границах земли прайда. «Ступай домой, сын мой! То, что ты делаешь, лишь увеличит мою печаль».

Мано мудро, не по годам, ответил: «Если я вернусь сейчас, я не буду сыном, которого ты любишь, и даже я не смогу любить самого себя».

Малави посмотрел в его глаза, полные любви, и поцеловал Мано. «Если бы ты был иным львенком, то я бы просто отругал тебя и отправил домой. Но не тебя, не моего Мано — если ты говоришь, что тебе нужно идти, то я не буду вставать на пути. И прежде, чем ты уйдешь, я желал бы возложить сердце к твоим лапам. И я не буду знать радости покоя, пока ты не вернешься домой».

Комби снова тронул Ишу лапой.

— А он что, действительно положил перед ним сердце?

— Это выражение. Так говорят. Так ты будешь слушать или нет?

— Прости.

Пронзительным взглядом Иша пленила души каждого из них; в то же время она пыталась вспомнить, где кончился ее рассказ.

— Мано не желал рассказывать отцу, что идет из родной земли лишь затем, чтобы погибнуть; и поскольку он был смел, то улыбнулся отцу. «Жди меня с востока. Если я не вернусь через две недели, тогда ищи меня среди звезд».

И молвив так, Мано пересек границу и ушел в Большой Мир.

Он шел весь день среди зноя, но не нашел воды. Истомленный, голодный, жаждущий, он упал и провалился в глубокий сон. Он видел сновидение, что на следующее утро встретится с Айхею в горном проходе, и это подарило ему надежду. Конечно, это был знак от Бога!

На следующий день он продолжил путь. Мано действительно нашел горный проход, но там его встретил Король местного прайда и потребовал, чтобы он дрался с ним за возможность пройти. «Никто не может войти в мои земли через этот проход, потому что ее добыча назначена лишь для моей семьи».

«Я не буду охотиться на твою добычу, но я лишь попью твоей воды, чтобы унять огонь жажды. Я пройду через твои земли, не остановлюсь посреди пути — Айхею да увидит эту клятву».

«И куда же ты направился? Отчего тебе так нужно пройти через мои земли?».

«Я иду, чтобы найти Айхею, и собираюсь отдать свою жизнь за жизнь матери».

«В это трудно поверить!».

Мано сказал: «У моей жизни есть лишь одна ценность — в обмен на нее можно выкупить жизнь моей матери. Убей меня, если должен, но я всё равно найду Бога».

Лев поцеловал его. «Твоя смелость поражает меня. Ты пройдешь, малыш. Я сопровожу тебя до восточного ручья. Там ты сможешь утолить жажду, но там я оставляю тебя. Пусть боги благоволят тебе, и мне действительно больно сознавать, что ты собираешься умереть в столь юном возрасте. Когда будешь среди звезд, то вспомни обо мне».

Мано сдержал обещание. Он ни разу не остановился для отдыха, пока не пересек восточный ручей. Мир укрыла ночь; он вдоволь напился воды, но ничего не ел уже два дня. Голод не давал ему уснуть до полуночи, но когда, наконец, сон одолел его, он увидел сновидение: Айхею встретится ему посреди пустыни.

Воодушевившись, на следующее утро он отправился в пустыню. Она оказалась такой же пустой и безжизненной, как и во сне, но Айхею нигде не было. Вместо этого поднялся ветер и начал беспощадно сметать его с пути. Он дрогнул, и в душе проскользнуло желание вернуться к ручью, снова попить и попытаться поймать какую-то добычу, но Мано всё равно продолжал идти через пески. «Айхею, я не остановлюсь, пока не найду тебя! Я иду, чтобы отдать свою жизнь ради своей матери!».

 И когда он провозгласил это, то ветер утих.

Тем не менее, жгло солнце. После долгого путешествия по изнуряющей жаре, он заметил какие-то далекие деревья. И когда он пришел к ним, но обнаружил там блаженную прохладу, где он смог отдохнуть. Жажда не давала покоя, и он хотел пить. Страдая от жажды, он нашел здесь глубокое озерцо. Оно было полно молока, а не воды, и это удивило Мано; тем не менее, главным было утолить жажду.

«Стой! Нельзя!», — к нему подошел горилл и поднял палку, угрожая расправой. — «Это священное озеро, имя которому — Мара, место рождения всей жизни. Тебе нельзя отсюда пить!».

«Почему?».

«Это — священное место. Ты пришел сюда, преисполненный себялюбия, желая взять то, что не надлежит тебе, чтобы утолить свои желания. Найди другое место для питья! Любое, кроме Божественного озера!».

«Но я собираюсь отдать мою жизнь Айхею взамен за жизнь моей матери. Если я умру, то не смогу ему ничего предложить для обмена. Ударь меня, если тебе так велено, но если я останусь жив, то и дальше пойду к моему Богу».

Горилл отошел в сторону. «Что ж, тогда можешь пить».

Молоко утолило его жажду и голод, и он, пресытившись, уснул. И ему приснилось, что на следующий день он встретит Айхею посреди лугов.

Воодушевившись, он ушел, чтобы найти луга, и он нашел их — точно такие же, как и во сне; но всё, что здесь было — лишь слон, который наступал на него каждый раз, когда он пытался пройти по лужайке, а потому ему приходилось убегать назад, в лес джунглей.

«Дай пройти, старый хобот! Мне нет до тебя дела!».

«Твоему роду воспрещено здесь находиться. Твой род убивает наших детей и беспокоит нас!».

«Я здесь не для убийства, но для спасения», — ответил Мано. — «Покажи мне, где находится Айхею, потому как я прошел большой путь, и у меня мало времени».

«Юный глупец говорит о том, что у него мало времени!».

«Может я и глупец, но мне нужно повидать Айхею, чтобы отдать жизнь ради исцеления матери. Если ты не укажешь мне путь, то я буду сражаться с тобой изо всех сил!».

Слон поверил ему и уступил. «Что ж, смелый, пройди между двумя фиолетовыми холмами, и за ними есть два куста акации. Возле них — родник, куда приходит Айхею, чтобы утолить жажду. Желаю тебе успеха, но мне больно видеть, что такой юный лев собрался умереть. Когда придешь в свое королевство среди звезд, то вспомни обо мне».

«Как я вспомню льва, которого встретил ранее, так вспомню и тебя».

Два долгих дня он шел, пока не закончилось его путешествие. В первую ночь сновидения его не посещали. Но на вторую ночь ему приснился Айхею возле ручья, и укрепившись в вере, он знал, что скоро достигнет того, чего искал.

Он действительно нашел два холма, а за ними — два куста акации. И также он нашел родник, но вместо Айхею наткнулся на старого бабуина, того самого, который указал ему путь в самом начале.

«Ты же говорил, что я найду Айхею на востоке! Теперь я здесь — и где он?! Три предыдущих раза я уже обманулся, и что же? Теперь я вижу перед собою старого дурака!».

Бабуин улыбнулся. «Сны были верны. Айхею был во всех этих местах. Он был львом, ветром, гориллой и слоном. И, как и тогда, теперь он — старый бабуин».

Мано пал на землю. «Прости же меня, мой Бог и мой Создатель!».

«Только те, чье сердце сильно и чисто, могут найти меня. Я должен был испытать твою решимость».

«Итак, ты говоришь, что я могу умереть вместо моей матери?».

Айхею взял большой камень. «Если ты пойдешь на это по доброй воле. Если согласен, то я разобью тебе череп. Это будет очень быстро, сын мой».

«И я присоединюсь к тебе?».

«И ты присоединишься ко мне».

«Я еще смогу увидеть мать?».

«Когда она умрет, то вы воссоединитесь».

«Могу ли я увидеть ее в последний раз в этом мире, прежде чем пойду за тобой?».

«У нас нет столько времени. Или в тебе есть сомнение?».

«Нет, Создатель», — он пригнулся, зажмурился и молвил: — «Убей меня, как мы и договаривались. И покончим с этим».

Через мгновение Мано ощутил легкий удар по голове и закричал. Но Айхею сказал: «Я примерялся. Не хочу промахнуться и причинить тебе излишнюю боль».

Мано пригнулся снова и плотно закрыл глаза. «Я готов, Создатель. Убей меня, как мы и договаривались. И покончим с этим».

Через миг уже более сильный удар обрушился на Мано; он заставил вздрогнуть, хотя не показалось и капли крови. Айхею сказал: «Луч солнца ослепил мне глаза, и я не хотел допустить неверного удара».

Мано закрыл глаза сильнее и молвил: «Поспеши же, Создатель. Моя мать умирает. Моя боль не имеет значения, когда моей маме больно!».

Айхею отбросил камень прочь и обнял Мано; слезы потекли по его лицу, и он сказал: «Сын мой, сын мой! Как же я люблю тебя! Я бы и шерстинке не дал упасть с твоей гривы, даже если бы ты был смертным. Но сейчас ты уже не являешься им. Иди, взгляни на водную гладь».

Мано посмотрел на свое отражение в роднике. Он ахнул в удивлении: его шерсть превратилась в снежно-белую, а его глаза уже не были карими, но обрели цвет небес.

«Когда ты испил из озера Мары, ты стал бессмертен. Но это не случайность. Ты нужен мне».

«Что бы ты ни желал от меня, я с радостью исполню это. Только спаси жизнь моей матери!».

И снова Айхею расплакался. «Дитя мое. Когда ты ушел на восток, я сразу же исцелил твою маму».

Он пал к лапам Айхею и поцеловал их. «Хвала тебе!», — возгласил он, но потом спросил: — «Отчего же ты продолжал испытывать меня?».

«Я доверял тебе, но ты должен был научиться доверять самому себе. Ты действительно отдал свою жизнь мне, ибо ты стал моим слугой. Но служение мне ты считаешь за самую великую свободу. Ни время, ни расстояние не станут для тебя преградами, ни смерть, ни жизнь». Айхею благословил его и поцеловал. «Если ты будешь верен своим обязательствам, я буду помогать тебе во всём. Ты будешь править множеством Нисеи, теперь ты самодостаточный правитель. Теперь же, ступай домой, к своей матери, и будь для нее хорошим сыном. Но когда пройдет твоя церемония посвящения, я вернусь за тобой и заберу тебя в твое королевство».

Мано с огромным облегчением вернулся домой, и он истинно был сыном, что радует своих родителей; но он отдал право на наследие земли брату Акбару, чтобы потом уйти, не имея ничего, кроме собственной жизни.

Шли дни, шли луны, и его красота лишь возрастала, и о ней уже знали все вокруг. Звери с дальних земель приходили, чтобы хоть одним глазом взглянуть на

него. Среди них было много львиц, которые, склоняясь перед ним, просились: «Вспомни обо мне, когда придет время твоего посвящения!». Но путь перед ним был долог и труден, и когда он объяснял им, какую роль для него отвел Айхею, те грустно уходили прочь. Уходили все, кроме одной.

И тогда, когда остались считанные дни до его посвящения, Айхею пришел с востока, чтобы благословить сыновей Малави. «Акбар, ты будешь могучим королем и станешь править землями долго и счастливо. Но среди всех созданий, которым я дарил жизнь, мой самый лучший слуга — Мано. Я даю ему право опекаться моим королевством, и только мое слово может превзойти его повеления. Его мудрость будет велика, а сила — необъятна, и всякое доброе дело, о котором он меня попросит, будет исполнено».

Мано ушел в мир, исполняя волю Айхею повсюду, где ступали его лапы. Он исцелял хромых и снимал болезни, и вместе со славой Мано возрастало и очарование красоты, что сияла в его глазах, ибо каждое исцеленное создание придавало ему сил, а каждое поучение делало его мудрее. Айхею дарил ему столько же добра, сколько дарил другим.

Некоторое время он был доволен своим одиноким путем, приобретая друга с каждым исцелением, но не останавливаясь ни на миг, словно неутомимый ветер. Айхею сдержал обещание и удовлетворял все нужды Мано. Но у Мано была еще одна потребность, которая с течением времени всё больше давала о себе знать. Он умолял Айхею помочь ему найти львицу, такую, которая смогла бы ступать вместе с ним.

Айхею внял этой молитвенной просьбе и нашел львицу по имени Миншаса, чье сердце было искренним и добрым. Он ей предложил испить из озера Мары, и она сделала это, став бессмертной и сияюще-белой. После этого она ушла искать своего супруга, и ей лишь было сказано, что «он такой же, как она: полон смелости, знающий мудрость и тайну любви». Но Айхею не сказал, что ее Мано — белый лев.

В своих скитаниях она нашла Нга, сына Рамаллы. Он был силен и симпатичен, и достаточно смел, чтобы стать ее красивой парой. Но он не успел дать ей клятву — его брат Суфа бросил вызов, тоже желая ее. Братья яростно дрались три дня, под солнцем и луной. Они были равной силы, одной выносливости и одной решимости. Никто не мог победить; в конце концов они пали на землю без сил.

Миншаса ощутила, что эти львы слишком глупы для того, чтобы кто-то из них мог стать ее супругом; Айхею не мог ей определить никого из них. И тогда она увидела Мано возле горы под названием Ниобе. Он же сразу узнал в ней пару, которую Айхею создал для него. Веселый, он подошел к ней и сказал: «Супруга, которую я так желал, нашла меня». И тут же он поклялся ей в любви, а она — ему.

Что же касается матери благословенного Мано, то смерть пришла к ней, как приходит ко всем смертным, но она не смогла отделить ее от сына. Именно потому говорят в день церемонии посвящения: «Как Мано, ты будешь помнить о той, кто подарила тебе жизнь». А вам известно ее имя? Одна из нас зовется так же.

Того сказал:

— Может, Комби?

Иша засмеялась.

— Нет, маленький ты крысеныш! — она потрепала его лапой и ответила: — Это Иша! Потому эта — одна из моих любимых историй. Итак, дети, сделали ли вы какие-либо выводы из услышанного?

Комби сказал:

— Конечно! Очень глупо драться из-за девчонки целых три дня. Нга стоило сказать: «Выбери кого-то из нас».

— Ладно, это одно... — она поглядела на Дженни, которая утирала глаза.
— А ты?

— Что тут понимать. Любовь — самое сильное, что есть в мире.

— Прекрасно! — Иша потерлась щекой с нею. — Это абсолютно верно.

Мрачный Того сидел на месте; прошло несколько мгновений, Иша заметила его угрюмый вид и мягко дотронулась к нему.

— От тебя я еще ничего не слышала.

— Да я хотел сказать то же, что и она, — ответил Того, глядя вниз. — Ну, любовь и всё такое.

— Но там есть еще что-то, разве не так?

Того посмотрел ей в глаза.

— Думаю, да.

— Думаешь, да? — Иша погладила его. — О чем ты думаешь? Ты можешь сказать своей тете Ише, мой хороший.

— Ну, я думал о Малави. О том, как он сильно любил Мано.

— Да, он любил его, — тихо молвила она. — Как Муфаса любил Симбу, и Ахади любил Муфасу... и Скара тоже. Ты пришел в мир в не самое лучшее время. Не всегда было так, как сейчас.

— Мне интересно: папа хоть знает, что я есть? — мрачно сказал Того. — Ему хоть не всё равно, что я живу?

— Того, конечно же! Конечно, ему не всё равно! Так говорила твоя мама.

— Она мне ничего о нем не говорит.

— Да, это так.

— Вот видишь. А мне бы хотелось с ним встретиться, но мама даже не хочет рассказать, кто он такой.

— И мне она не рассказывает. Но знаешь, она поведала мне, что в один прекрасный день ты всё узнаешь о своем отце. Узури рассказывала, что он хороший и добрый, и он будет любить тебя сильно-сильно. Выше голову, сынок, и поддерживай маму в этом. Она расскажет тебе, когда поймет, что время настало.

Иша встала, потрогала лапу и поняла, что уже может ходить. Взяв за собою детей, она ушла, хромая, к Скале Прайда.

— Да, Того, у тебя очень хороший отец, поскольку иной попросту не подошел бы твоей маме.

Того потерся о ее плечо, ступая рядом с нею.

— Я люблю тебя, тетя Иша.

История Нга и Суфы

«Состарься со мною, будь навсегда, ведь любовь наша станет сильнее сквозь года».

Роберт Браунинг²

² В оригинале указано, что автором цитаты является всемирно известный шотландский поэт Роберт Бёрнс (Robert Burns, 1759–1796). Это досадная ошибка авторов. Цитата принадлежит перу менее известного английского поэта Роберта Браунинга (Robert Browning, 1812–1889). Цитата «Grow old along with me. The best is yet to be...» — первые строки стиха «Rabbi ben Ezra» (примеч. переводч.).

Однажды, когда Угас отдыхал под ночным небом, к нему подошла его возлюбленная Узури и улеглась рядом. Она часто так делала: уходила с охоты, если день не был охотным и ее присутствие не особо требовалось. Это время она проводила вместе со своим супругом, чтобы ощутить тепло его близости и созерцать звезды неба.

— Гляди. Это Братья, — сказала она.

— Нетрудно заметить, — ответил он со смешком.

— Нет, ты приглядиись. Они, считай, как твои сыновья. Того и Комби — близнецы. И они тоже иногда пытаются поступать так, как Братья.

— Они что, много дерутся между собой? — взволнованно спросил Угас.

— Нет. Они... Как бы это сказать... Очень активны. Они чем-то похожи на Нга и Суфу.

— Немножко активности никому не помешает, — сказал Угас, положив лапу на ее грудь и ощущая биение ее сердца. — Пока они, конечно, не вцепятся друг другу в глотки. Вот что: я выбрал кое-кого для Того и Комби. Амара немножко застенчива. Она станет прекрасной парой для Того. Он ведь тоже немного застенчивый, правда?

— Да, — она чуть подумала. — Весь в тебя.

— От меня? Я — застенчивый?

— Если дело касается определенных вещей. Вещей, которые очень важны для тебя, — она перевернулась и мягко погладила его по щеке. — Ты мой маленький, застенчивый львёныш, и я хочу держать тебя рядом и оберегать от всякого, кто вздумает причинить тебе плохое.

Глаза Угаса сверкали, отражая свет луны, когда он смотрел на нее.

— Тогда оберегай меня. Останься со мною, Узури. И устрой мне встречу с сыновьями. Пожалуйста, устройшь?

Она поцеловала его щеку, медленно и томно.

— Скоро, мой милый. Скоро.

Он потер щеку лапой.

— Ты стёр мой поцелуй?

— Я нечаянно. Теперь тебе придется снова это сделать.

Снова поцеловав его, а он обнял ее и приласкал лапой ее щеку.

— Расскажи мне снова о Нга и Суфе.

— Ты хорошо знаешь эту историю.

— А я люблю, как ты ее рассказываешь. Мне так нравится наблюдать, как ты мягко выговариваешь эти нежные гласные в имени «Суфа».

— Суфа? — спросила она.

— Оооо, вот о чем я говорил, — поцеловал он ее. — Прелестные, маленькие уста, что так опасны в охоте и так прекрасны в поцелуе!

Нет, она никогда не бросит его. Перевернувшись на спину, она продолжила глядеть на Братьев. Их сияние унесло ее: она вспомнила о матери, которая учила ее устному наследию.

— Когда Рамаллах был правителем большого королевства, его супруга Шакула принесла в мир двух сыновей. Это были братья Нга и Суфа, о которых существует множество историй. Нга и Суфа были настолько непоседливы, что начали драться еще в животе матери, а потому ей приходилось жевать травы, чтобы унять боль.

Она указала на него лапой.

— Да хватит следить за моими гласными!

Вздохнув, он легонько толкнул ее.

— Твои согласные тоже ничего.

Наконец, она успокоилась, а он перестал наблюдать за тем, как она говорит. Узури продолжила:

— Когда пришло время, и она разрешилась, то назвала их Нга и Суфа, что значит «солнце» и «луна», потому что они следовали друг за другом, как небесные светила. Хотя они и часто дрались между собою, их сердца были добры и преданны путям Айхею. Королева Шакула спросила шаманов об их судьбе, и ответ подарил ей как радость, так и печаль одновременно. Все они утверждали, что Нга и Суфа проживут счастливую, но короткую жизнь. С этого момента она боялась оставлять их с кем-либо, кроме сестры Альбы — так она волновалась за них.

Угас подарил взгляд Узури.

— Да, я ее понимаю.

Она поцеловала Угаса.

— Не беспокойся, дорогой.

Возвратившись к созерцанию звезд, она продолжила:

— Однажды, когда Королева надолго ушла по делам, Альба взяла львят ко сну в свою пещеру. В эту ночь сотряслась земля, и вход в пещеру оказался завален. Когда Шакула вернулась, она увидела, что они погребены под землей и камнями. Она попыталась откопать им путь, но все ее попытки и вся ее материнская любовь оказались бессильны перед стихией, что не знала жалости. Другие львицы тоже стали рыть проход, и работа не останавливалась ни на миг — ни под луной, ни под солнцем. Один, два, три дня, потом четыре — и всё еще детей не было. Все надежды умерли, и Шакула осталась в одиночестве, но ее вера не сгинула, и она продолжала работу на пятый день, чтобы хоть увидеть их тела в последний раз. Она была уверена, что вот так исполнилось пророчество.

На пятый день ей, наконец, удалось отрыть проход в пещеру. И Нга и Суфа вышли оттуда, слабые, но целые. Шакула разрыдалась от радости, и поблагодарила Айхею. Но когда она заглянула внутрь, то увидела, что сестра ее, Альба, лежит мертва. У Альбы не было молока, потому что она рассекла свои лапы и кормила львят собственной кровью, чтобы они смогли жить.

Тело Альбы унесли в саванну, но каждая капля крови, которая упала по пути, рождала красивый красный цветок, который по сей день зовется альбой в ее память. Из этих цветов делают лекарство, которое зовется «кровь милосердия», и оно имеет большую силу исцеления и успокоения.

Нга и Суфа росли, ставая всё сильнее и больше, пока в один день не стали готовы взять львицу. В это же время белая львица по имени Миншаса пришла в их королевство, и Нга и Суфа были совершенно поражены ее изумительной красотой и силой очарования.

Их отец Рамаллах кое-что сказал сыновьям после того, как увидел эту львицу и побеседовал с нею: «Ведь знакомо мне это странное видение. Миншаса, белая как облако, рожденная среди саванны как сон любви. Кто из тех, кто носит гриву, сможет взглянуть на нее и остаться равнодушным? Миншаса — зов, влекущий к себе. Остерегайтесь, сыновья, ее ужасных чар! Она не надлежит этому миру, и будет лучше, если вы возьмете себе пару среди дочерей Мамаан».

Лапа Угаса скользнула вниз по ее животу и оказалась чуть ниже, чем приличествует для дружеского поглаживания.

— Остерегайтесь, сыновья, ее ужасных чар!

Она хлопнула его по лапе.

— Ты историю хочешь услышать, или как?

— Всё-всё, я буду послушным, — сказал он с невинной улыбкой.

Нежно приласкав его, она молвила:

— Ты? Послушным? Не поверю, пока не увижу.

— По крайней мере, я буду слушать.

Узури улыбнулась.

— Их отец Рамаллах поговорил с ними после того, как увидел львицу и побеседовал с нею...

— Ты уже это рассказывала.

— Рядом с тобой попробуй чего не забудь!

— И поделом, — сказал Угас. — Рядом с тобой я тоже теряюсь.

Потом добавил:

— Поскольку они оба были сильны и решительны...

Кашлянув, Узури продолжила:

— Поскольку они оба были сильны и решительны, то дрались они пять дней и ночей без сна и пищи. На пятый день они пали на землю без сил и уснули, и пока спали, то Миншаса ушла, чтобы найти Мано, которому стала супругой. И когда Нга и Суфа проснулись, то ощутили себя жалкими и глупыми, а потому поклялись перед Айхею навсегда прекратить ссоры между собой. Для утверждения клятвы они попросили Айхею, чтобы никто из них не пережил своего брата, и чтобы смерть настигла их в один день...

Узури замолчала. Она посмотрела на Угаса, и слезы начали стекать по ее мордочке.

— Узури, с тобою всё в порядке? — Угас посмотрел в ее глаза, полные боли, и утер лапой ее слезы, что струились по щекам. — Хорошая моя, скажи же! Дорогая? Это всё из-за моего возраста, да?

— Для меня ты самый красивый в мире, — ответила она. — Я никогда не перестану любить тебя просто из-за того, что ты намного старше меня.

— Но осталось мне не так уж много, и ты не хочешь состариться в одиночестве. Я понимаю, — Угас поцеловал ее. — Если я смогу возвращаться со звезд и утешать тебя, то всегда приду туда, где ты будешь нуждаться во мне. Клянусь.

— Ты такой милый и нежный, — молвила Узури. — Это то, что я обожаю в тебе.

Она печально отвела взгляд на мгновение, а потом добавила:

— О небо, ты действительно придешь ко мне?

— Конечно приду. Ты мои небеса и моя земля. Но будет намного лучше, если ты уйдешь со мною сейчас. Я развею любой твой печальный день и буду шептать тебе множество ласковых слов на ушко, я разукрашу твой мир снами любви, которых будут тысячи.

Он посмотрел ей в глаза, с тенью печали во взгляде.

— Хотел бы я, чтобы эта ночь длилась вечно, но так не будет. Давай же возьмем всё, что судьба нам еще может предложить. Узури, останься со мною.

— Скоро, любовь моя. Скоро, — она спряталась в его гриве и закрыла глаза.

— Так что, окончания истории не будет?

— Ммм, — вздохнула она, прижимаясь к нему сильнее. — Нга умер в драке со стаей диких псов. Его брат в это время спал. Когда он нашел тело, то умер от тоски; таким образом, клятва исполнилась.

Чуть погодя она добавила:

— Любовь толкает тебя на странные поступки. Я никогда не слыхала, что-бы Нга или Суфа имели пару и детей. Наверное, Нга был всем, что имел его брат.

Прошел миг. Угас вдруг поднял голову; Узури, что покоилась на нем, от неожиданности упала на землю.

— Нам нужно прояснить одну вещь, любимая. Я буду крайне разочарован, если ты снова не найдешь себе супруга.

— Что?!

— Когда я умру, то я хочу, чтобы ты следовала зову сердца. Ты очень красива, и ты молода. Я ни одного льва не смогу обвинить в чем-то, если он возжелает тебя, и я не буду ревновать, пока он будет относиться к тебе хорошо. Но пусть поможет ему Бог, если он не будет тебя уважать! Ты передашь ему, что я буду очень пристально за ним наблюдать.

— Даже не хочу думать об этом.

— И я тоже. Во мне нет алчности к жизни — я не желаю жить дважды, ибо Бог был добр ко мне всю мою жизнь, и я готов предстать перед Айхею. Но я не хочу, чтобы ты осталась одна, и тем более не желаю, чтобы ты умерла молодой. Нет, я хочу, чтобы ты охотилась и созерцала восходы солнца. Я хочу, чтобы ты взяла от жизни столько, сколько смог взять я. Я буду благодарен — истинно благодарен — всякому, кто поможет тебе в этом. Не печалься слишком обо мне, когда я уйду. Просто помни те хорошие времена, когда мы были вместе. И пусть эти воспоминания будут счастливыми.

— Что ж, хорошо, что сказал. Знаешь, есть один свободный лев на севере. Он симпатичный, молодой, а Иша говорит, что он весьма умелый любовник.

— Эй, ради Бога, хоть подожди, пока остынет мое тело!

Узури засмеялась и поцеловала его в щеку.

— Я рада, что ты не ревнив.

Перевернувшись, она обняла его грудь и потерлась о гриву. А потом Узури приблизилась и пристально посмотрела ему в глаза, прошептав:

— Любимый.

Он нежно погладил ее щеку.

— Люблю тебя, Узури. О боги, девочка, я желал бы видеть тебя каждое утро. С тобой я рождаюсь заново!

Помазание

Солнце восходит, нам утро вещает

Нгонйама, о инкоси!

Свет луны мир совсем покидает

Нгонйама, о инкоси!

Проснитесь же, сильные, пришла нам пора

Нгонйама, о инкоси!

Делать всё то же, что и вчера

Нгонйама, о инкоси!

Традиционная песня львиц

Приближалось время представления Танаби, и все лихорадочно готовились к этому событию, ведь всё должно пройти гладко — это будет первое настоящее представление с того времени, как Симба начал править. Земля проснулась от долгого сна, возвратившись к изобилию и плодovitости, и эта церемония станет изъяснением признательности Богу от короля и данью уважения всем подданным.

Зазу взволнованно облетал всё королевство, рассказывая хорошие новости: свет Айхею осияет помазание лба нового принца!

Лисани интересовалась всем происходящим, и она попросила Ишу рассказать ей о представлении.

— В этот раз, моя дорогая, пусть тебе всё расскажет Рафики. Он представлял миру Симбу, а перед ним Маккеди представлял Муфасу. Думаю, еще раньше это делал Бусара, но это было уж очень давно.

Лисани — любопытная львёна. Она ушла на поиски старого мандрила, который был занят подготовкой к церемонии.

— Рафики?

— Мисс Присс?! — Рафики подошел и обнял ее. — Дорогая моя, как я рад тебя видеть! Столько работы для старой обезьяны, и так мало времени! Мне нужен небольшой отдых. И ты подаришь мне его.

Замурлыкав, Лисани прислонилась к Рафики.

— Чувствую себя виноватой. Ты ведь не знаешь, с какой просьбой я пришла.

— Надо еще что-то сделать? — вздохнул Рафики. — И что же я забыл на этот раз?

— Надеюсь, ничего. Я лишь хотела узнать побольше о представлении. Я слышала, что раньше его совершали не так. Первым так представили Ахади?

— Нет. Первым был Зари. И его представил старый добрый друг по имени Бусара. Бусара был моим наставником, и он... — Рафики шлепнул себя по щеке. — Вот и снова я не могу начать, как нужно! Знаешь, есть три вещи, которые начинают тебя предавать в старости: внимание, память и... еще какая-то третья штука!

Лисани засмеялась и лизнула его в щеку.

— Совсем спятил! Ладно, извини. Вижу, что ты занят. Зайду позже.

— Нет же, Лисси! Мне вовсе не в тягость разговоры об этом. Наверное, они мне помогут снова всё пережить. Мне казалось, что Бусара делает всё с такой легкостью.

— А кто такой Бусара? Кто он был?

— Кто был Бусара?! — он засмеялся. — Не думал, что есть львенок во прайде, что не слышал о нем! Когда Королева Асумини была еще жива и ее супруг Король Хатаму правил Прайдлэндом, Асумини ушла на охоту и сильно поранилась возле поселения, где я вырос. Бусара был молодым шаманом в те дни, и ты должна понимать, что он уже был стар, когда рассказал мне эту историю. Бусара завоевал доверие Асумини и вылечил ее раны. Потом он пошел, чтобы позвать пару львиц, и они помогли ему оттащить ее к Скале Прайда. Она была *крайне* признательна, и это порадовало Бусару.

Он ушел домой, рассказал друзьям, что он делал целый день, но они забеспокоились за него. Тут же, на следующую ночь, одна леопардица решила убить себе молодую самку из нашего народа.

Лисси возмутилась:

— Но это же было вопреки Миру Асумини!

— Ого, ты бежишь впереди меня. Но кто рассказывает историю? — улыбнулся Рафики и поцеловал Лисани. — На следующий день все увидели кровь и труп самки в кустах, где леопардица позабавилась ею, как игрушкой. Убитая горем мать указала на Бусару и молвила: «Видишь теперь, как они показывают свою благодарность?! Будь ты проклят, Бусара! Гореть тебе в аду!».

— Рафики!

— Я не придумал это. Рассказываю, как есть, — серьезно кивнул Рафики. — Скажем так, многие были очень расстроены. И с этого момента Бусара и его

семья были в большой опасности. Взрослые угрожали ему, избегали его, а многие дети бросали в него и его родных камни.

Скорбя и ощущая себя преданным, Бусара пошел назад к Прайдлэнду. Он смиренно пришел и упал перед королем и королевой: «Почему же, мои господа, почему вы обрекли меня на изгнание из моего народа? Разве я не бескорыстно исцелил раны на твоём плече, моя королева? Даже после того, как ты расцарапала мне руку?».

«Что ты такое говоришь?», — спросила Асумини. — «Я — твой друг. Как я могла обречь тебя на изгнание?».

Бусара ответил: «Мы долго скрывали наше поселение от прайда. В один день я помог королеве, а на следующий убили одну из дочерей моего народа. Скажи мне, что это совершил леопард, а не кто-то из львиного рода!». Бусара пал на землю и поцеловал лапу Асумини. «Я не жалею, что спас тебе жизнь. Если бы ты убила даже половину моего поселения, я бы не позволил тебе умереть. Но скажи мне, что львы к этому не причастны!».

«Клянусь: это не был ни лев, ни львица», — ответила Асумини. — «Клянусь Айхею».

Бусара зарыдал. «Я верю тебе, моя госпожа. Только мой род не поверит мне. Позволь мне привести сюда мою семью, чтобы мы могли жить в безопасности».

Король Хатаму поднялся. «Мои земли — твои земли. Ты безопасно войдешь на них со своей семьей. И я позволю тебе представить миру моего сына Зари. Так все, кто дышит, и кто тебя презирал, увидят мою любовь к тебе.

Так и случилось в день этой церемонии: Бусара держал сына короля, чтобы все могли его увидеть, и луч солнца коснулся его; из света донесся голос, который обратился к Бусаре. Он, со слезами на глазах, прижал львенка к сердцу и поцеловал. «Мой Создатель и мой Бог!», — воззвал Бусара.

Хатаму был глубоко тронут и перед всем собранием провозгласил: «Со времен Мано ни у кого из живущих на земле не было настолько доброй, истинной души, как у моего друга Бусары. Он мой друг, и я клянусь собственной гривой, что между нашими родами теперь не будет вражды, а будет мир навсегда». И все мандрилы, что были там, устыдились того, как они обошлись с Бусарой. Вот именно тогда начался Мир Асумини.

Когда Зари вернули матери, то Асумини спросила Бусару: «Что Бог поведал тебе?».

Он ответил: «Поведал, что я должен оберегать принца так, как он меня научил».

В сумке Бусары, которую он носил с собой, не было ничего, кроме трав, которые предназначались для раненого плеча Асумини. Но когда он посмотрел в нее, то увидел фрукт; он вытянул его и расколол. Обмакнув большой палец в густой сок, он помазал лоб львенка. «Пусть дела твои будут изобильными и добрыми, как этот плод, что возвращает новую жизнь». Он взял пыль земли и посыпал ею сок. «Пусть твое тело будет сильным и крепким, как пыль, из которой ты вышел». И он взял погремушку из своей сумки, которая очутилась там по воле Айхею, и которая потом стала ценнейшей вещью, и потряс ею. «Пусть твой дух будет силен, как гром, но мягок, как дождь».

Наконец, он взял травы из сумки.

«А что значат они?», — спросила Асумини.

«А они означают мою любовь к тебе», — молвил он, мягко укрыв ими ее заживающее плечо. — «Мне не следовало слушать мой народ. Не стоило мне подозревать в убийстве кого-то из львиного рода. Прости меня».

Асумини обняла Бусару и прижала к себе. Она потерлась мордочкой о него и поцеловала, погладив по щеке. «Не прощу я тебя, глупыш, пока ты злишься на меня».

«Я видел Создателя, моя госпожа», — молвил Бусара. — «Всё, во что я верил, перевернулось. Я пуст, как тыква в сухой сезон. Дай мне это знание об Айхею, чтобы я хранил Бога в сердце до конца своих дней».

И Асумини улыбнулась. «Благословен ты, Бусара! Мир, который ты ищешь внутри себя, суть много больший дар, чем всякий мир на земле. Ты выбрал самое лучшее из добычи, и я накормлю тебя тем, что ты избрал, пока твой голод не будет утолен». И с того времени здесь появился мандрил из моего поселения, который совершал представления.

Лисани внимательно поглядела на Рафики.

— Ты увидишь Айхею во время церемонии?

— Возможно. Я видел, когда представлял Симбу. Но хорошая моя, я вижу Айхею во многих местах. Я вижу его в твоей улыбке. Есть так много чудес в мире, что даже живи ты тысячу раз, то не смогла бы увидеть их все. Но во всех них ты можешь видеть Бога.

Позор Короля Бобо

Того бегал за Комби вокруг камня.

— Ну что?! — раздраженно спросил Того. — Скажешь мне или нет?

Комби посмотрел по сторонам и приблизился.

— Успокойся, — прошептал он. — Я тебе не могу сказать это перед мамой.

— Да ну?

Комби улыбнулся.

— Ты только не болтай об этом направо и налево. Сначала ты должен мне пообещать, что не скажешь никому и никогда.

— Это что-то интересное, да?

— Интереснее, чем ты думаешь.

— Ладно, обещаю.

Наклонившись еще ближе, Комби полупшепотом проговорил:

— Я обещал Лисани, что больше никому говорить не буду. Так что ты имей это в виду, понятно?

— Кхм-кхм, — раздался голос Узури.

— Ой! — Комби обернулся. — Эм, привет, мама.

— Привет-привет! Ты чего это вздумал, что Того ничего не расскажет, если ты *первый* это разболтал?

— Эээ... Ну... Я ему доверяю.

— Так же, как Лисани доверяла тебе?

Уши Комби прижались, а хвост безвольно повис.

— И что мне с вами делать? — Узури тяжело улеглась на землю и вздохнула. Но она не желала выдавать свое разочарование; вместо этого она решила испытать более тонкий подход. — Вот что я скажу. У меня есть история, которую я как раз вам хотела рассказать. Она немного пикантная, но думаю, что вы уже достаточно взрослые. Тем более, что Мисс Присс здесь нет.

Желая не быть наказанными, и почувствовав интерес, Того и Комби начали внимательно слушать.

Узури же склонилась к ним и низким голосом сказала:

— Мано и Миншаса пошли к реке, что бы заняться любовью в прохладе сумерек. Король Бобо, такой себе любопытный лев, увидел их, и вместо того, чтобы уйти, скрылся в тростнике и начал смотреть, чтобы развлечь себя их страстью.

— Опа! — сказал Комби. — Это точно пикантно!

— Мне продолжать или нет?

— Конечно, конечно продолжать! Я просто хотел сказать, что это любопытно, — он расхаживал кругами, высоко подняв голову. — Мы здесь все взрослые, да, Того?

Того смотрел на Узури.

— Ты подразумеваешь: она легла для него?

Узури уверенно кивнула.

— Именно так, — ответила, внимательно посмотрев на них. — Наконец, Мано услышал его смех из тростника и рассердился. И сказал, что за содеянное его ждет смерть.

Бобо взмолился и пал перед Миншасой, разрыдавшись, чтобы она сжалась над его жизнью.

Миншаса молвила: «Не гневайся, супруг. Он просто находит меня красивой и хочет посмотреть на мое тело. Так пусть рассмотрит, а потом уйдет».

«Твоя красота изумительна, и всякий лев хотел бы впиться в нее взором. Но он совершил бесстыдный поступок и опозорил нас!»

Но Миншаса сжалась над несчастным Бобо и сказала: «Ты можешь идти прочь, но помни: никогда никому об этом не говори, чтобы еще раз не опозорить нашу честь. В ином случае ты умрешь».

Мано согласился с этим и отпустил Бобо с миром. Но это была ужасная тайна и жгла она изнутри так немилосердно, что он чувствовал: или ею поделится с кем-то, или просто сгорит. Он пошел к одному баобабу, в котором была дыра, и прошептал в нее: «Слушайте же! Я видел, как Миншаса ложилась для Мано возле реки!». Посмеявшись, он почувствовал облегчение.

Айхею всё слышит, даже то, что говорится в тайне; и он изменил внешность короля Бобо, но сделал это незаметно, а потому Бобо возвращался в прайд, ничего не подозревая.

Но когда сестры прайда заметили, как Бобо возвращается, то одна из львиц прорычала: «Смотрите — газель! Этим вечером мы точно наедемся!».

Бобо начал убегать изо всех сил, но его быстро догнали. И он был убит своими же подданными.

— Ого, — сказал Комби в изумлении. — Тогда хорошо, что я не рассказал Того всё, что услышал сегодня. Правда?

Узури с любопытством посмотрела на него.

— И что это было?

— Прости, мам. Я теперь *никому* не скажу!

Любовь Кигали и Лиши

Ахади с Акаси отвели Муфасу в сторонку.

— До твоего посвящения осталась одна неделя, — с взволнованной улыбкой начал Ахади. — Вероятно, ты захочешь признаться в любви кому-то из львиц.

Пришло время узнать тебе кое-что, прежде чем ты начнешь жизнь, как взрослый лев.

— Эм, папа, мы же обо всём говорили. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Ахали улыбнулся.

— Понимаю ли я, о чем ты? Ты говоришь о занятии любовью? Говори прямо. Не стесняйся.

— Хорошо. Мы уже беседовали о том, как заниматься любовью. Помнишь?

— Да, помню, — ответил Ахади. — Но нужно помнить, что это значительно больше, чем просто движения.

Он неловко засмеялся.

— Прости. Плохо подобрал слова.

— Значительно больше?

— Значительно, сынок. Именно поэтому мы хотим рассказать тебе историю Кигали и Лиши. Я буду говорить как Кигали, а твоя мать — как Лиша. Мои родители делали то же самое, когда я был в твоём возрасте.

— Так и было?

— Да, сын мой, — Ахади обнял его. — Ты сиди на месте и внимай. Это поучительно.

Кигали (лев):

Нашел родник я, чтобы жажду утолить,
Желая вод, чистых и глубоких.
Но покоя мне не знать, не уловить,
Гладь вод отражает мою душу.
Мой лик любви.

Я сам среди цветов, наедине с собою,
И альба здесь вокруг цветет, благоухая.
Гляжу я вверх, в бесконечность надо мною,
И солнце изжигает мою душу.
Оно ведь знает, всё ведь знает.

Недолог час, и охотницы заметили меня,
Из вышних мест среди саванны.
Смех львиц раздается в воздухе, звеня:
«Жжет любовь его», — так говорят,
Но говорят ревниво, нежно.

Лиша (львица):

Добычи нет мне, я вся уж истомилась,
И стада антилоп лишь, насмехаясь, говорят:
«Гляди! Охотница во жертву превратилась»
Говорят, не прячась и с насмешкой,
Они смеются.

Но знаю я, что так должно происходить,
Ведь Айхею приказал так всем из самок

Знать час неги, искрою жизни быть.
Я алчу льва, желаю страсти,
Надо мной, возле меня.

«Где лев мой, где любовь моя?» — так говорю
Я сестрам прайда, что собрались вокруг
Ведь готова я уже принять его, любя
Они лишь улыбаются, ничего не отвечают,
И болтают, не глядя на меня.

Кигали:

Но что я вижу? Моя милая мечта,
Что стройна, как травы, да нежна, как воздух
Среди юности сияюще-безбрежной — ведь она, она!
Она — свет солнца, что выследил меня
Среди саванны.

Я слышу мягкие шаги,
И песни трав, что волнительно-приятны.
И встреча будет — так ступай, иди,
О боги, эта поступь столь нежна — невероятна!
Шаги возлюбленной моей.

Аромат ее прекрасен, как жасмин,
Жасмин цветущий, мягкий, нежный.
Огонь ее сжигает изнутри,
И словно солнце, словно ветер тихий
Ее прикосновение.

Лиша:

Его глаза ясны, как блеск воды ручья
Глаза любимого, что смотрят на меня
И грива длинная, где спряталось сердце из огня,
Оттенка пламени, в цветах теней заката,
Вот грива льва, что здесь, со мною.

«Смотри же, лев, твоя добыча:
Здесь! Да ждет весны, да ждет любви.
Охотник слышит — и не упустит жертвы клича,
Поймай меня, так я паду бессильно
В твои объятья.

«Но помни ты, охотник славный,
Всё то, что взял ты, нужно защищать,
Не дай шакалам, что желают алчно,
Забрать меня, украсть твой приз.
Не дай им шансов!».

Кигали:

Как Бор-мартышка бьет плод трудом упорным,
Чтобы испить нектара сладко,
Насытить тело соком жизни добрым,
Так бьется мое сердце в страсти,
Трепещет странно.

Волна желанья, которой я так маюсь,
Мое дыханье распаляет,
Я чую силу, я — восторгаюсь,
Иду я к ней, чтоб волну эту унять,
И — убегает! Ах, убегает!

Ах, дочь соблазна! Она мягко отступает,
Стрелой из солнца — вмиг сбежала прочь,
Но смех ее так нежно обещает,
Что ловить я буду ее долго,
Но поймаю!

Лиша:

Сбежали мы от глаз чужих да зорких,
Мешать они нам будут — мы одни.
Займемся мы любовью среди трав высоких,
Здесь я отдам тебе всё то, что хочешь ты,
Отдамся ласке.

Так пахнет твоя грива терпко, сладко
Дрожишь ты, желая меня всю, и без остатка,
Весь ты в ярости желанья, неистовой и хваткой,
Глаза твои, что цвета темной ночи,
Так жадно смотрят. Ну и пусть!

Взмахнув хвостом, он так игриво,
Дотронулся ко мне, давая предложение,
Сыграть в игру самца и самки, и красиво!
Смеялась нежно я, а потом приняла,
Его игру, его желанье.

Кигали:

Так мягка нежность ее лап, мягка и необычна,
Что обняли меня, не давая мне свободы,
И влекут к траве, зовут к неге изящно-фантастичной.
Но нега не подарит мне покоя и улады,
Я поднимаюсь.

Она способна подарить, с силой молодой,
Царство вечной ночи для любой добычи,
Но мягка она, как травы, нежна передо мной,

И сильно я в триумфе поднимаюсь,
Воцаряюсь я над нею.

Всё еще дыша неистово и шумно,
Я смотрю в ее глаза, глаза любви,
Дрожу я словно лист — и так безумно
Я чувствую поток, что так неудержим,
И он проходит сквозь меня.

Лиша:

Вот я, зову ведь его пылко, страстно,
И, разлегшись среди трав,
Я желаю взятой быть, да сильно, властно.
Нет сомнений, нету их во мне,
Я знаю, что желаю.

Как жертва, схваченная сильно,
Знаю я победу охотника и льва,
Но тут! Схватил он шею, и бессильно
Сдаюсь я. И вот же — я уж чую
Потоки его страсти.

Как волны жара всходят среди дня,
И деревья во ветрах находят сладость дрожи,
Дрожу, всхожу и таю я,
Рычу в экстазе! Себя не помня, помня не себя.
Рычу я имя льва. Его кричу я имя.

Кигали:

И кто сравнится с нею на земле?
Она — источник всех исполненных желаний,
Что боги знают в небесах да и во мгле!
Паду я вниз, не имея больше силы,
Упал я вниз, я весь бессилен.

И я позвал к себе свою любовь,
Она придвинулась ко мне, тихо и неслышно,
Изящно улеглась она, волнуя кровь,
Уложились мне на гриву, пленяя красотой,
А я дарил ей нежность.

Что ж, и ветер тихий нас ласкает,
Волнует листья нежные акаций,
Они скрывают нас от солнца — оно мир наш ослепляет,
Довольный, сытый, лежу я рядом с нею,
Возле нее — и отдохну.

Ахади закончил, сияя улыбкой. Он подошел и дотронулся до стройного тела Акаси.

— Моя нежная любовь.

— Мой ласковый Нисеи, — замурлыкала она, прикрыв глаза, в то время как он потерялся об нее от ушей до хвоста.

— Ну и ну, — сказал Муфаса. Его лапы чуть дрожали. — Где вы этому научились?

— Это — часть твоего наследия, — объяснила Акаси. — Эти песни передавались от родителей детям множество поколений. Мне будет приятно, если это окажется хорошим началом в твоей взрослой жизни.

— Ну и ну, — снова сказал Муфаса, всё еще пораженный. — Это было так вкусно!

— Рад, что тебе понравилось, — Ахади вместе с Акаси приласкали и поцеловали его.

— Ну и ну, — прошептал Муфаса. — И вы действительно так относитесь друг к другу?

Акаси поцеловала своего супруга.

— Милый наш, мы играли каждый свою роль. Конечно же, по прошествии времени нам стало понятно, что каждый любит по-разному, и каждая любовная история — особая. Я и твой отец обрели свою удобную, приятную рутину повседневности. Так уж заведено в супружеской жизни. Ты найдешь в своей особой львице то, чего тебе недостает. Быть супругом — значит, обрести полноту самого себя. Это словно стать цельным, стать полностью самим собой.

— Ну и ну, — лишь сказал Муфаса.

— Это всё, что ты можешь сказать? — спросил Ахади. — «Ну и ну»?

Муфаса потерялся о его щеку.

— Спасибо, папа. Я люблю тебя. И люблю тебя, мама.

В пещеру вошла Сараби.

— Доброго утра, Ахади! Доброго утра, Акаси!

— Доброе утро, Сасси.

Взглянув на нее, Муфаса вспомнил силу слов, что эхом витали в его сердце; мягко и нежно скользнув взглядом по ее красоте, он вспомнил:

Всё еще дыша неистово и шумно,
Я смотрю в ее глаза, глаза любви,
Дрожу я словно лист — и так безумно
Я чувствую поток, что так неудержим,
И он проходит сквозь меня.

— Ой, привет, Муффи! Я тебя не заметила.

— А... ага.

— Ага? — она непонимающе посмотрела на Ахади с тенью смешливости.
— И это — наш будущий король?

Муфаса молча вышел из пещеры. И, проходя возле Сараби, потерялся во всю длину об ее тело, от начала до конца. И задрожал.

Она ярко улыбнулась и молвила:

— Что ж, и тебе доброго утра!

С колотящимся сердцем Муфаса поспешил вниз со скалы, по тропке. Он обошел Скалу Прайда и оказался возле холодных вод пруда. Он на миг остановился, чтобы посмотреть на свое отражение; в его ушах отчетливо звенели слова:

Нашел родник я, чтобы жажду утолить,
Желая вод, чистых и глубоких.
Но покоя мне не знать, не уловить,
Гладь вод отражает мою душу.
Мой лик любви.

«Но она надлежит Таке!». Чувства Муфасы никогда не преступали определенной черты, он пытался подавить их, скрыть. Он никогда раньше не давал этому чувству имя, но теперь решил:

— Сасси! Я люблю тебя! О боги, я влюбился в невесту своего брата!

Одним прыжком он оказался в ледяных объятьях своего отражения.

— Оооо! Аааа! Ээээх! Ух!

Он неистовствовал в холодной воде и забыл о всякой любви. На этот миг.

Возле пруда проходила Иша. Посмотрев на мокрого льва, что повсюду рассеивал брызги, она осуждающе помотала головой.

— Тебя что, родители совсем не воспитали?! Мы отсюда пьем, знаешь ли!

— Да-да, конечно, госпожа, — застенчиво улыбнулся он и поплыл к берегу. — Простите.

Дума и Обадэ

Он не тяжел. Ведь он — мой брат.

Неизвестный мальчик.

Шерсть встала дыбом на загривке Того, и он зарычал на своего брата.

— Идиот! Почему ты обвиняешь меня в этом, болтун?! Теперь мама будет злиться и на меня!

— Эй, что-то я не слышал от тебя жалоб, когда бы кралась за нею, — самодовольно улыбнулся Того. — Признайся же: тебе ведь понравилось, да?

— Не понравилось!

— Да понравилось, понравилось.

— Нет же, Комби! И Вианга тоже надо мной смеялась! Ты зачем ей рассказывал о стихах, которые я пытался создать для нее? Это была тайна!

Комби разразился громким смехом.

— Ой, Виви, — сказал он, захлопав глазками. — Твоя шерсть, как солнце для меня, и мое сердце пылает от огня! Глаза твои, как два пруда в тени, они дарят мне желание любви!

У Того затуманилось перед глазами.

— Заткнись! — закричал он вдруг. — *Ненавижу* тебя!

Укрыв голову лапами, он начал плакать; и его всхлипывания были единственным звуком среди внезапной наставшей тишины.

Комби ощутил, что у него появился ком в горле.

— Тогда я тебя тоже ненавижу. Понял?! — ему перехватило дыхание, и со сдавленным рыком он ударил лежащего Того. Внезапно на него налетел вихрь ударов, и они двое начали кататься в борьбе, выкрикивая такие выражения, которые бы точно повергли в шок их мать.

Громкое рычание раздалось в воздухе, и они прекратили драку. Сарафина быстро направлялась к ним, и ее глаза пылали гневом.

— Прекратите немедленно! Что здесь происходит?!

— Комммби насмех-хался надо м-мной!

— Да он сказал, что ненавидит меня, тетя Фини!

— Да, я ненавижу!

— Хватит! — Сарафина мотнула головой. — Я услышала достаточно. Извинитесь друг перед другом. Сейчас же.

Того, поморщившись, сел ровно и стройно.

— Нет.

Сарафина, не веря своим ушам, уставилась на него.

— Что?!

— Простите, тетя Фини, если я выказываю неуважение, но... я не могу, — с истинной ненавистью Того посмотрел на Комби. — Хватит с меня его выходок. Он всегда издевается надо мной, когда я говорю от чистого сердца.

— Ах, да? А я чувствую себя, как дурак, когда ты начинаешь носиться с этими глупыми песенками и стишками, — Комби выглядел так, будто хотел расплакаться. — Ты думаешь, что ты лучше меня. Но это не так!

Он посмотрел на Сарафину.

— Никогда перед ним не извинюсь! Клянусь!

— Не говори так, — вздохнула львица и улеглась, махнув им лапой, чтобы подошли. И они так сделали, усевшись по разные стороны от нее. — Я расскажу вам историю двух братьев, у которых была та же проблема.

— Эти братья — Нга и Суфа? — хмыкнул Комби. — Я уже всё о них знаю.

— Я тоже, — покачал головой Того. — Мы не похожи на них, тетя Фини. У нас всё *серьезно*.

— Как и у тех братьев. И это не Нга и Суфа, — Сарафина устроилась поудобнее, вспоминая, как давным-давно львица, что держала ее у лап, рассказывала историю двух братьев, которые никогда не прощали...

Дума и Обадэ были братьями и прекрасно ладили друг с другом. У них была сводная сестра, Ашерати, от второго брака их отца Джади. Обадэ возжелал Ашерати и зашел очень далеко в своих попытках совратить ее, несмотря на извечный запрет таких отношений. В конце концов, он взял ее силой, и она, плача, убежала к отцу.

— Взял ее силой? — спросил Комби. — Это как он ее взял?

— Он вынудил ее к кое-чему неприличному, — ответила Фини. — Король Джади пошел наказывать Обадэ. Он решил не делать его королем, а отдать правление после себя Думе. Но Дума посчитал, то это слишком простое, чересчур легкое наказание — он желал крови. Дума яростно спорил с отцом, но Джади всё равно настоял, что решение окончательное и обсуждению не подлежит; а потому, по хорошей львиной традиции, он должен простить своего брата.

Но Ашерати продолжала настаивать на том, чтобы Дума расправился с Обадэ. «Ты должен убить его, чтобы отомстить за мою украденную невинность».

Того задрожал и прижался к лапе своей тети, которая обняла его, даруя приятное тепло. Помедлив в неуверенности, Комби сделал то же самое, но с иной стороны.

— Ах да, я понял, в чем дело! — сказал Комби. — Этот Обадэ сделал с Ашерати то же, что делают Така и Эланна по ночам.

— Комби! — возмутилась Сарафина. — Я всё матери расскажу.

— Да я просто так сказал, — ответил он. — Ну, это, они были возле родника. Их мог увидеть кто угодно. Только не говорите маме! Пожалуйста!

— Ладно, на этот раз мы сделаем вид, будто ничего не случилось. Я не скажу ей. Тем не менее, я надеюсь, что ты не будешь об этом кричать у каждого дерева.

— Да откуда мне знать, в конце концов, чем они там занимались. Он лишь говорил: «Выходи, мой шаловливый кролик, давай же. Никуда тебе не деться».

Сарафина начала нервно смеяться.

— Шаловливые кролики? Слушай, ты только ни одной живой душе не разболтай то, что только что рассказал, ладно?

— Обещаю.

— Узури умрет. Она просто помрет!

— Пожалуйста, вы же обещали не рассказывать маме! Обещали!

— А, да. Конечно. Кошмар какой. Я узнала сплетню года и даже не могу поделиться ею с сестрой!

Она постаралась поймать нить прерванного разговора и продолжить с рассказом.

— Дума неистово поклялся Айхею, что он отомстит за нее. И затем Айхею вдруг появился с облаков. «Зачем ты только что учинил такое зло?».

Он испугался, но ответил: «Молоко и грязь смешать легко, но кто их разделяет, когда они вместе? Вот эта клятва смешалась с моей кровью, и только спустив мне кровь, ее можно уничтожить».

Айхею же упрекнул его: «Я есть Бог, что сотворил землю и создал молоко матери. И те, кого я создал, могут отделить грязь от молока, и также способны они отделить глупость от мудрости. Какая мать поклянется давать дитю землю вместо молока? И как же ты можешь давать обет убить своего брата, если это — зло?».

Но Ашерати приходила к нему каждый день, обвиняя и порицая его; говорила она, что нет у него ни любви, ни отваги. «Убей его за мою поруганную честь!».

Тогда Дума задумал убийство Обадэ. Он сел в засаду и начал ждать. Победив Обадэ, он уже готовился нанести смертельный удар, но тут пришел Айхею, весь в гнев, и сказал ему: «Разве я не говорил тебе, что поступок твой суть зло?!».

Он устыдился того, что пытался убить брата, и начал умолять Айхею о прощении. Которое и получил.

Но также Айхею упрекнул Обадэ и сказал ему, что его место — в Большом Мире, где он будет скитаться до тех пор, пока не научится сдержанности и не познает чувство долга.

Обадэ ушел в Большой Мир, и был он там пять лет; было это время горького скитания, как и предсказал Айхею. Наконец, когда ему было разрешено вернуться, тощий и усталый, он возвратился. И увидел, что его отец мертв, а Дума — король земли.

«Я так страдал, брат мой. Я многое познал. Могу я здесь остаться?».

«Можешь жить здесь, как и всякий куст акации. Но с кустами я не говорю и не люблю их».

Обадэ начал уходить, но Дума разрыдался и побежал вослед. «Не слушай моих слов из гнева, мой брат! Я потерял отца, но мой брат, что ушел, вернулся снова!».

Сарафина умолкла, поглядев на двух львят у ее лап. Того и Комби лежали тихо, а потом подняли головы, чтоб неуверенно посмотреть друг другу в глаза.

— Комби. Прости за то, что я сказал, что ненавижу тебя.

— И ты прости. Я на самом деле не имел этого в виду, — долго-долго Комби смотрел на брата. — Знаешь, вообще-то я нашел твой стих хорошим.

— Правда?

— Да.

Того протиснулся вперед сквозь мягкую шерсть Сарафины и дотронулся лапой к щеке брата.

— Друзья?

Комби улыбнулся и сделал то же самое.

— Да.

Солнце и Месяц

Ахади сидел на конце пика скалы, откуда он уже более часа смотрел на свои земли. Така тихо взобрался на скалу; тихими шагами он подошел к отцу, не зная, в каком настроении его застанет. Акаси выглядела весьма расстроенной, но она никогда не скажет, что у короля на уме. Он терпеть не мог, если она так делала.

— Сын мой, подойди ко мне и сядь.

— Папа, тебя что-то разозлило в моих поступках?

— Нет. Подойди и сядь.

— Ты не болен?

— Нет. Просто сядь.

Что Така и сделал. Он часто и неровно дышал, и дрожь пронимала тело.

— Это не так! Я знаю: что-то не так!

— Всё зависит от того, как ты на это посмотришь.

— На что же?

— Это одно из тех мгновений, когда понимаешь, насколько нелегко быть королем. Мне приходится принимать множество сложных решений, и когда мне выпадает это делать, я прихожу сюда и позволяю ветру согнать тени с моего ума. Прочувствуй ветер, Така. Сын мой, если ты будешь хорошо внимать, то ветер уберет все твои тревоги прочь, и всё, что останется — лишь решение. Готовое решение.

— А, так ты принимаешь трудное решение? Тебе нужна помощь?

— Можно сказать, что да. Я уже принял его, но не знаю, сколько оно причинит боли для меня и для тех, кого люблю.

Така поглядел в бесконечность дали.

— Ты бы всё узнал много раньше, если проявил бы больше внимания. Почему бы тебе не сказать всё прямо? Я хочу, чтобы ты сказал это, а не прятался в недомолвках и страдал наедине.

— Хорошо, сын. Муфаса станет моим преемником. Он — будущий король. Это было непростым решением.

— Я так не думаю. Кого выбрать? Тот, кого ты больше любишь или того, кто лучше подготовлен? Ясное дело — любовь побеждает всегда, не так ли?

Ахади опустил взор, слезы нашли на его глаза.

— О, Така, видит Айхею: я надеюсь, что ты не сказал это всерьез! Муффи любит меня, но я всегда знал, кто любит меня больше всего. Сын мой, не придумали еще слов для выражения моей любви к тебе.

— Ох, папа! Прости меня.

Ахади приласкал его и прижал к себе.

— Сынок, для меня ты всегда будешь прекрасным, удивительным, но ты не настолько силен, чтобы снести тяжесть мира, когда он покажет клыки и когти.

— Значит, всё дело в моем шраме.

— Нет.

— Тогда в слабом теле.

— Не это, хотя сила Муффи здесь сыграла роль.

— Тогда почему всё так, отец?! Почему ты пренебрег мною?

Слезы скатились по щекам Ахади, он отвернулся.

— Стоит ли мне говорить? Что сделано, то сделано.

— Почему, отец?! Ответь хотя бы на один вопрос: почему?!

Ахади повернулся к нему и погладил его щеку лапой.

— Потому, что твое сердце настолько нежно, что ты не сможешь принимать трудные решения, которые требуются от короля. Ты полон красоты и любви, а потому не можешь видеть уродство иных вещей и душ. У Муффи хорошая Ка, но он всегда настороже, и не даст обмануть себя врагам, он не упустит хитрости. Он будет твердым, когда королю надо быть твердым. Ты бы смог убить Гурмек-ха? Смог бы ты рассечь его тело, когда на тебя бы смотрели эти печальные, полные ужаса глаза?

Така, отвернувшись, посмотрел вдаль.

— Вот видишь, твое сердце говорит, что я прав. Из любви я не желал класть на тебя это бремя. Возможно, ты мне не слишкомверишь, но я, на самом деле, делаю тебе услугу.

— Вот оно что. Думаешь, я всего лишь слабосильный умник?! Я что, изучил слишком много историй? Знаю слишком многое об истории прайда?! Слишком много уделял внимания твоим рассказам и не таращился на буйволов?!

— Нет, сын мой! Я не безупречен. Но всегда действовал с добрым намерением, — подбородок Ахади дрогнул. — Разве я не говорил тебе каждый день, что люблю тебя? Упустил ли я хоть один день? Ты ненавидишь меня, Така? Ты ненавидишь своего старого отца, что привел тебя в мир и отдал всю свою любовь без остатка?

Така поглядел ему в глаза и задрожал.

— Да как я могу ненавидеть тебя!

Приблизившись, Ахади лапой обнял Таку.

— Я люблю тебя, как река любит дождь. Никогда не рассказывай брату, о чем мы говорили. Моя любовь к нему очень велика, я не желаю причинить ему боли. И ты тоже люби его — я хочу этого больше всего на свете.

— Да. Ты прав.

Ахади глубоко вздохнул.

— Удели мне немного внимания. Я хочу, чтобы ты услышал одну историю, — молвил он, положив свою лапу на лапу Таки, и легонько потеревил ее.

— Когда Айхею впервые принес в мир свет, то создал двух братьев для этого — Солнце и Месяц. Сначала они были одинаково светлы и теплы, а еще они очень гордились своей красотой. Но жар, что шел от их света, был невыносим, и ничто не могло произрасти, и ничто не способно было бродить по земле от такого тепла. Ахади пожалел, что создал сразу двух, а потому задался вопросом: кто из них должен утратить свой свет и тепло, чтобы в мире можно было жить.

Солнце взмолилось, убеждая Его, что именно ему суждено светить вечно, и что его верность этой службе будет лучшим подтверждением такого выбора.

«Но Месяц, брат твой, тоже был верен своим обязательствам и хорошо служит мне».

И брат-Солнце, разрыдавшись, начал умолять Айхею, чтобы он не погасил его света.

Увидев это, Месяц поклонился Айхею и молвил: «Пусть будет так, как просит брат. Не выдержу я, если он начнет страдать, ибо это брат мой и я люблю его».

И брат-Солнце устыдился своих слов. «Благословенен ты, брат-Месяц, ибо ты лучший среди нас двоих. Отправляйся же к небесам, чтобы освещать их, а я паду вниз, во тьму, и буду оплакивать свою глупую гордыню».

Айхею расплакался. Он прижал брата-Месяца к сердцу и сказал: «Как ты просишь, так и будет. Но я не изгоню тебя прочь, но лишь сделаю твой свет холодным. И мои дети также будут жить под твоим светом, и день будет ярче, а ночь — темнее. Но велика твоя душа, Месяц, и за твою добродетель тебя будут помнить до тех пор, пока эта история будет жить среди моих детей». И Айхею поцеловал его три раза, и с каждым поцелуем его свет угасал, пока не осталось лишь тихое свечение.

После того, как были созданы живые души — Ка, Айхею поместил их формы мира Маат. Он решил, что его дети будут жить, но жизнь их будет подвержена смерти. И еще решил он, что новая жизнь будет взрастать и сменять старую. И одни создания он сделал сильными, с огненной душой, как Солнце. Других он создал мягкими и нежными. Так явились в мир самец и самка, что вместе, познавая любовь, вечно продолжают жизнь. Поскольку лев силен, он защищает прайд от всякого врага. Но лишь львице дан Богом дар — приносить в мир детей. Помните же, дети мои, уважать свою мать, когда она обращается к вам.

Ахади мягко погладил Таку, потершись щекой.

— Прошу тебя — будь благородным, как брат-Месяц. Муфаса считал, что ты достоин стать королем. Также он просил меня разделить королевство, чтобы досталось и ему, и тебе. Я отказался, сынок. Но я хочу, чтобы ты всю жизнь хранил эту тайну: он желал отдать тебе правление и половину из того, что у него есть. Не причиняй ему боли, Така! Пожалуйста — не причиняй!

— Ох, папа! — Така укрывлся в густой гриве Ахади. — Я люблю тебя!

Лорд Радуга и леди Нала

Яркая молния рассекла небо, и маленькая Нала задрожала и еще сильнее прижалась к матери.

— Когда это прекратится?

— Не знаю.

— Но прекратится, правда?

— Конечно. А потом, если повезет, ты сможешь увидеть Лорда Радугу во всей красе. Ты ведь никогда не видела его, правда?

— Нет, не видела.

Еще одна молния ударила совсем рядом — настолько близко, что даже Сарафине стало не по себе. Несколько раз на ее веку молния разила прямо в пик Скалы Прайда. Никто там не отваживался находиться, когда бушевали гром и молния.

— Расскажи мне о Лорде Радуге, — тихо прошептала Нала сквозь крепко сжатые зубы.

— Тебе понравится эта история. В ней есть львица по имени Нала.

— В самом деле?

— Да. Отсюда походит твое имя.

Снова вспышка молнии — и Сарафина стала бела, как сама Миншаса. От рокота грома задрожал камень под ее лапами.

— Однажды, давным-давно, жил один из первых Нисеи по имени Лорд Радуга, который заботился об одинокой львице и ее новорожденных детях. Хотя они никогда не видели его, его присутствие защищало их от невзгод, и он уберег их от многих опасностей.

— Одна из львён, по имени Нала, была невероятно красивой. Красота ее была изумительной, как и твоя. И с течением времени Нала выросла и ставала всё прекраснее, как и ты, и Лорд Радуга любил ее всем сердцем. Была она его любимицей, и когда ее мучили ночные кошмары, он приходил к ней в сны, прогоняя ее страхи прочь, чтобы она могла спать спокойно. Потом играл с нею, и пока он был рядом, он мог ощущать всё то, что могут ощущать смертные. Лорду Радуге всё это очень нравилось, и так могло бы продолжаться вечно для него, но Нала повзрослела, и ее интересы и желания — тоже; и в одну ночь, когда пришел к ней, она глубоко влюбилась в него. Она потерлась о него всем телом, обвивая хвостом, и он задрожал — его пленили совершенно новые чувства, такие пугающие и такие приятные одновременно.

В страхе и смятении он ушел из ее снов, и решил, что больше никогда не будет вторгаться в них. Но любовь к ней превозмогала всякие решения, она одолела его словно лихорадка, и в его сердце уже не было умиротворения — так он любил ее.

Когда у Налы наступила ее первая пора, Лорд Радуга пришел к ней в сон, и унесенный силой ее страсти, он занялся с нею любовью.

— Как?

Погладив дочь, Сарафина ответила:

— Иногда, когда ты чего-то очень хочешь, но не можешь этого обрести, тебе приснится это в ночи. Так Айхею дает тебе возможность прикоснуться к желанному.

— Айхею так мил.

— Так и есть, — Сарафина лизнула ее щеку. — И когда Лорд Радуга покинул ее сон, Айхею уже ждал его. «Что ты сделал? Ты полагал, что я не буду знать о том, как ты возлег с нею?».

И Лорд Радуга, задрожав, пал перед ним во страхе: «Это верно, я обладал ею, но я уже давно люблю ее, и моя жизнь — не моя. Я принадлежу ей, мой Создатель, и когда она зовет меня, силы меня предают! Не храни ненависти к своему слуге, молю тебя!».

«Я не питаю ненависти к тем, кто любит меня. Но ты разгневал меня, и это не останется без последствий. Ты наслаждался теми удовольствиями, что она дарила тебе, но сможешь ли ты разделить с нею боль и печали?».

«Так пусть я же смогу ощущать боль, мой Создатель, но только не запрещаешь мне мою любовь».

И Айхею молвил: «Да будет так. Ты придешь к ней и будешь жить с нею среди мира Маат, и ради нее ты утратишь бессмертие. Суждено тебе испытать, как воды земли, все ее радости и все печали, и когда придет боль, то не вздумай, что сможешь избежать ее. Не говори «Я — Нисеи», и не отворачивайся от нее».

Лорд Радуга ответил: «Я не отвернусь от нее».

«И не жди от меня или от своих друзей никаких чудес. Когда мир Маат поглотит тебя, то будешь ты жить, как и остальные, пока твое дыхание не вернется ко мне».

«Пусть будет так, Создатель».

Наступило утро, Нала проснулась. Рядом с нею она заметила странного, незнакомого льва. Сначала она испугалась и начала убегать, но он позвал ее по имени: «Нала, Нала, не убегай! Ты львица, о которой я мечтал с детства, и я приходил в твои сны! И я нашел в тебе подругу детства, затем подругу жизни, а затем — любовь своей жизни!».

«Я всё еще сплю?», — спросила она.

«Нет. Я нашел тебя, и нашел огромной ценой; многого мне стоило, чтобы стать твоим возлюбленным, но для меня это ничто, если ты станешь моей!».

Лорд Радуга и она стали супругами. Он остался с нею и безумно любил ее, и эта любовь придала новый смысл его жизни.

Теперь Нала охотилась целыми днями, но Лорд Радуга постоянно был голоден, а потому ел много. Без собственной земли он мало что мог предложить своей молодой супруге. И вследствие их любви в глазах Налы появился свет — она готовилась принести новые жизни в их маленький прайд.

Долго и трудно Лорд Радуга искал новую землю, и в один день, когда он почти совсем пал духом, Тот-Кто-Приносит-Дождь сотворил над ним облако, которое постоянно укрывало его, чтобы оно защищало его от жара солнца и даровало отраду. И Лорд Радуга услышал тихий шепот, который сообщил, что на севере есть земля в долине между двух холмов, и это может стать безопасным пристанищем для его семьи. Его друзьям не было запрещено говорить с ним, им разве что запрещалось творить для него чудеса.

И Лорд Радуга нашел эту землю, огласил своей и начал охранять — ходить каждое утро и вечер на границах земли. Поначалу разные львы, которые бродили по долине, вызывали его на поединки, ибо выявили, что дерется он неважно. Однажды, когда его серьезно изранили, он воззвал к Айхею, сказав, что его кровь стекает на землю, но он не понимает этого, и не понимает, почему его силы тают от ран. И Айхею отослал к нему Мано Благословенного. «Ты истекаешь кровью, но не умрешь», — сказал ему Мано. — «Айхею поведал мне, что я не могу сотворить для тебя чудо, но всякий лев заслуживает того, чтобы друзья могли преподавать ему уроки боя. И также все травы, что исцеляют, есть дар Айхею миру Маат».

И так был исцелен Лорд Радуга — не чудом, но состраданием. Он стал хорошим бойцом, и его смелость вместе с упорством сделали земли его прайда безопасными.

Когда пришло ее время, Нала принесла в мир четырех львят; сила прайда возросла. Прошло время, и три его дочери стали охотницами, а сын Эритреа скоро должен был принять посвящение. Лорд Радуга обрел покой и радость — его дни были исполнены счастья. Но пришла страшная болезнь — чума. Его супруга, сын и дочери заболели. А он — нет.

К нему снова пришел Мано, но на этот раз молвил: «Нет таких трав, которые могли бы помочь, друг мой. Твоя семья умрет. Если ты проявишь рассудительность, то не станешь целовать их, и даже не будешь подходить к ним, ибо в ином случае заболеешь и тоже умрешь».

«Айхею, Айхею! Почему ты покинул меня?! Почему мне суждено стать свидетелем гибели моей семьи?».

Теперь же Лорд Радуга сполна познал боль, о которой говорил Айхею. Не было для него места на земле, и не было никакого дела, и даже когда он не смотрел на своих больных детей, их страдания вонзали шипы в его сердце. И он спросил себя: разве боль эта стоит его любви? Но долго ему думать не пришлось, ибо

его дети начали звать его. Придя к ним, он поцеловал их, обнял и начал дарить им нежность, несмотря на то, что болезнь могла проникнуть в его тело.

Айхею жалился над ним и пришел к нему. «Я осуждал тебя, ибо ты не просил меня о теле изначально, но искал удовлетворения своим желаниям со скрытностью и обманом. Ты сделал постыдным то, что должно быть прекрасным. Но знай же: я справедливый и добрый Бог, я клянусь тебе, что не слал эту чуму на твою семью. Многих львят забрал с собою Мано, и многих заберет еще». И когда Айхею увидел его рыдания, его сердце преисполнилось жалости. «Однажды я отослал одного из Нисеи, чтобы он защищал Налу. Если он желает защитить ее в последний раз, то он имеет такую возможность».

Лорд Радуга пал перед Айхею и сказал: «Да будет так, Создатель!». И с громким криком он отдал свою Ка.

И в тот же момент величественный свет алого цвета крови, пронзив небеса, пал лучами на Леди Налу и ее пятерых детей. Она была исцелена силой Лорда Радуги, но опечалилась и заплакала, потому как ощутила прикосновение своего супруга сквозь этот свет, и уже знала, что его больше нет.

Для Лорда Радуги наступили долгие, трудные года. Следуя за своим старым другом, Тем-Кто-Приносит-Дождь, алый свет его Ка освещал землю, где укрывались его дети и супруга после каждого дождя, чтобы ужасная чума никогда больше не настигла их. И потом, как Леди Нала умерла, она присоединилась к нему, а потому дуга света стала красно-голубой. Когда умерла мать Налы, она присоединилась к верной дочери и превратилась в желтый свет. И с течением жизни умирали один за другим их дети; их цвета присоединились к семье, и вот с тех пор после дождя можно увидеть всю семью, играющую со своим самым преданным и дорогим другом.

Утих ярый Африканский шторм, и лучи солнца настигли землю сквозь пелену облаков, как благословение. И после этого золотого волшебства вдруг явилась радуга изумительных цветов и чистоты.

— Смотри! Вот он!

— Да, дитя! Видишь Леди Налу? Это та, в честь которой тебе дано имя.

Нала помахала лапой и прокричала:

— Привет, Нала!

Прошло несколько секунд, и далекий голос ответил:

— Привет, Нала!

— Она услышала меня! — Нала запищала от восторга. Сарафина же услышала в этом лишь простое эхо, но с нежностью пригласила дочь и молвила:

— Она знает твоё имя. Это значит, что ты особенная. Но я всегда знала, что это так.

Засуха Негеба

Эллана очень любила детей, всем сердцем, но после ее трагических родов Рафики огласил грустные новости: она никогда не сможет родить своих львят. Жаждающая любви, она томилась по тем редким мгновениям, когда она могла пригласить за детьми прайда.

К сожалению, остальные львицы очень не любили ее супруга Таку. Они не желали, чтобы она имела хоть какое-то дело с их детьми; никто ничего не говорил ей глаза в глаза, но каждое их слово и каждый жест говорили сами за себя. Этот тихий шепот, скрытые знаки и холодные взгляды всякий терзали ее, как когти. С тоскою она лежала на скале одна и наблюдала, как играют дети. Она так хотела

пригладить их, рассказать им историю, мягко и нежно поцеловать в щеку и между ушей; и возможно — будь на то милосердие Айхею — ощутить их рядом с собою: маленьких, мягких, упавших в сладкий сон.

Пришло время охоты — того удовольствия, которого Эланна лишена уже почти три года. Львят никто с Эланной не оставил — с ними осталась Иша. Это было скрытым, но окончательным упреком в бесполезности Эланной в жизни прайда: со львятами, вместо нее, оставалась такая хорошая охотница, как Иша.

Така разглядывал земли, собираясь уйти на вечерний обход границ. Эланна полагала, что в жизни ей повезло, и она имеет очень любящего супруга; тем не менее, чем больше ожесточалась засуха, тем меньше он желал общения. Он мог пренебрегать ею в течении нескольких часов, даже если у него не было никаких дел. Для нее это время превращалось в сущий ад — ведь львицы прайда презирали ее — и для нее нигде не было приюта.

Иша ушла по «кустовым делам». Она всегда так говорила львьятам, если куда-то отлучалась, но на самом деле у нее были занятия поважнее. Первым делом она хотела отобрать немного той пищи, которую припрятали гиены, чтобы силы не покинули ее. После нескольких дней поедания ящериц и мышей она чувствовала себя вполне вправе отобрать кое-что у падальщиков. Это требовало мастерства и сноровки, и Эланна знала, что Иши некоторое время не будет.

Она очень тихо подошла к львьятам и села возле них.

— Привет, мои хорошие! Так хорошо снова видеть вас.

— Привет, тетя Ланни! — ответили Того и Комби. Хабусу и Лисани ласково потерлись о нее. Эланна поцеловала их, а они растянулись по земле от удовольствия.

— Как насчет хорошей истории? — спросила Эланна.

— Да! — сказал Того. — Давненько мы уж не слышали историй.

Была одна история, которую они уже не слышали очень давно, потому что она весьма болезненно касалась их всех. Именно о ней подумала Эланна, и, пока дети не утратили интерес, она неуверенно начала рассказывать о засухе Негеба:

— Когда-то давно жил король-лев Улу. Он был великим и очень добрым правителем. И у него был сын, что звался Негеб, и его любовь к сыну была просто безмерна; потому отец окружил сына исключительной заботой и давал ему всё самое лучшее. Но такое внимание испортило характер Негеба; когда отец умер, и к нему перешло правление, он возжелал сохранить себе все те привилегии и удобства, к которым привык.

Поскольку отец в свое время наложил на него совсем немного обязательств, он не желал самостоятельно совершать каждодневные обходы, а вместо этого отсылал львиц, чтобы они прогоняли гиен и диких собак. И хотя у львиц появилось значительно больше дел, чем было при правлении его отца, он практически не прислушивался к ним, а предводителей-Инкоси иных звериных родов редко достаивал приемом.

Он очень строго судил всякую охоту, и если что-то не удовлетворяло его вкус, то Негеб приказывал львицам охотиться снова.

Таши, его невеста, подошла и приласкалась к нему. «Мой король, позволь мне сегодня ночью не идти на охоту».

«Это почему же, Таши? Ты что, заболела?».

«Подходит моя первая пора, и я уже могу отдаться своему льву».

Оцениваяюще глянув на нее, он сказал: «Так чего ж ты пришла сюда, если тебе нужен твой лев?».

«Но господин мой, разве ж мы не были сужены друг другу нашими родителями по правде и доброй воле?».

«Да, помню такое», — ответил король Негеб. — «Но теперь морда у тебя стала круглой, глаза — маленькими, а голос у тебя хрипящий, как у вороны, и он лишь выделяет грубость твоего смеха. Да о *чем* только думал мой отец!».

«Нет, мой король!», — возвала она, пав перед ним. — «Не вонзай шипов в мое сердце!». Она начала безутешно рыдать. «Если мой говор раздражает тебя, я буду молчать, но не изгоняй меня прочь!».

«Да кто ж тебя изгоняет, право? У меня живот пуст, а охота начинается. Иди охоться, и охоться хорошо — так и останешься. Но не называй себя моей суженой. От одной мысли, что мне пришлось бы дышать на твою щеку, мне становится тошно».

Глубоко уязвленная, в самую душу, юная львица ушла на север, в земли гиен, и когда стражи той земли пригрозили ей смертью, если она не уйдет, то Таши молвила: «Мне всё равно, куда ступают мои лапы. Делайте со мной, что хотите».

Ее великая печаль тронула сердца гиен: они разрешили ей остаться. Со временем ее приняли в их клан. Долгое время Таши жила с ними, изучая их язык и обычаи. Поскольку ее сердце было полно доброты, то они возлюбили ее как сестру, и она не оставалась в долгу любви. Но всё равно в ее сердце приютилась пустота: она скучала по сестрам прайда и, несмотря на всё, она любила короля Негеба и молилась каждую ночь о том, чтобы он однажды полюбил ее в ответ.

Своими поступками Негеб привел Айхею в истинное негодование. В облаке гнева, что застлало солнце и разразилось громом с молнией, которые сотрясали землю, Айхею сошел во всем своем величии к королю, что был от страха. «Что ты натворил, мой слуга? В глупости ты вознесся, о Негеб, в глупости ты и падешь. Страдание проникнет в тебя, сын Улу, и такое милосердие будет даровано тебе, какое ты даровал другим. Но ради доброй львицы, что молится за тебя каждую ночь, я не разорву тебя на части, хотя и желаю этого».

Проходили дни, и слова Айхею стали воплощаться в жизнь. Гнев Создателя жгучими лучами падал на землю, превращая ее во выжженную пустыню. Растения увядали и погибали от такой жары, а добыча стала большой редкостью. Оставались лишь выносливые серны, которые еще находили себе пропитание на сухой земле. Львицы короля усердно молились, чтобы не пропали и эти серны, ибо лишь они остались для их пропитания и утоления жажды.

Однажды утром взошло солнце, но оно осветило лишь пустые равнины...

Эланна склонила голову, и слезы начали стекать по ее щекам. Лисани сильнее прижалась к Хабусу, пугаясь этой ужасной тишины, и ее глаза заслезались тоже.

— Ланни, с тобой всё хорошо? — спросил Хабу.

Эланна поцеловала его.

— Прости. Всё в порядке. Просто меня всегда переполняют чувства, когда я рассказываю эту историю. Прости, хороший.

— О, Ланни! — всплакнула Лисани. — Мы все умрем?

— Нет, милая. Не говори так, — она утерла ее слезы и молвила: — Мне полегчало, честно. Давайте закончим историю.

Эланна перевела дух.

— Айхею приказал сернам уйти прочь, в другое далекое королевство, которое он им уготовил. Львицы также стали уходить с земли, говоря: «Разве нам стоит оставаться здесь и умирать с тем, кто не любит нас?».

— Я надеюсь, что Нала вернется, — сказал Хабу.

— И я, — заметила Лисани.

— Мы тоже, — заключил Комби. — Ты тоже думаешь, она вернется?

— Храню надежду на это, — ответила Эланна. — Итак, король возненавидел Создателя за такое проклятие. Каждый день его прайд становился всё меньше и меньше, речи их становились всё мрачнее. Он научился есть множество разной еды, и наступили дни, когда он был рад есть что угодно; но вокруг ничего не было вообще. И однажды он проснулся утром и услышал лишь тишину. Его зов о помощи был полон страха и жалости, но никто не остался, чтобы ответить на них.

Опустошенный, он забился в уголок своей пещеры, вкушая вкус страха пересохшим языком. Его тело ставало всё слабее, зов помощи превращался в хрип; он чувствовал, что душа уже слабо держится в теле, а влага уходит с каждым его выдохом. Наконец, среди полной разрухи, он возопил: «О боги, да убейте же меня! Айхею, избавь меня от такой пытки, я уже не могу ее вынести!».

Эланну пробрала дрожь.

— Бедное создание! Он не был злым — он был лишь большое дитя, которое желало любви! Где-то на своем пути он свернул на плохую тропу, но его сердце было полным добра!

Она взглянула на Таку, который неподвижно сидел на вершине пика скалы и снова задрожала.

— Кто знает, какое страдание и какую боль ему пришлось пережить? Какое одиночество он хранит в своем сердце?

Лисани отошла от Хабусу и прильнула к Эланне; Хабусу, в свою очередь, подошел к Эланне с другой стороны и прижался к ней. Того и Комби в грусти смотрели на землю.

— Его уши наострились, когда он услышал тихие шаги. К нему обратились, но обратились на языке гиен, и он отпрянул назад. «Наконец-то Айхею избавит меня от мучений».

«Не знаю, чего желает Айхею», — так сказал голос. — «Но я желаю облегчить твои страдания».

Он открыл глаза и, словно в тумане, увидел львицу, что притащила ногу зебры. «Будь благословенна!», — были его слова, и он начал жадно поедать мясо, бормоча благодарности Айхею и незнакомке. — «Я бы пропал без твоей помощи».

«Господину нравится мое присутствие?».

«Еще как нравится!», — молвил он. — «Мне знаком твой голос, но он так печален. Кто обидел тебя?».

«Меня презрел мой возлюбленный. Он не видел меня, он видел лишь ту, кто приносит еду».

«Тогда оставайся. Я буду благодарен, если останешься».

«Но разве мой голос уже не хрипл, словно карканье ворона? А лик мой всё так же неизящен? Не беспокойся, мой любимый, я больше не буду беспокоить тебя грубым смехом, ибо всякая радость ушла из моей жизни».

Негёб пал перед нею и заплакал. «Таши, Таши! Как я ошибался! Небеса и земля проклинали меня, и поделом мне!».

«Тебе жаль меня?».

«Мне жаль себя, что я утратил любовь благородной и мягкой души. Благодаря твоим ночным молитвам Айхею не уничтожил меня».

«Он сжалился над тобою ради меня, чтобы мы однажды смогли стать парой. Я всё еще люблю тебя».

Прильнув к ней, он сказал: «Я так хотел увидеть твой милый, круглую мордочку, твои маленькие, но прекрасные глаза. А твой приятный хриплый голос я хотел бы слышать вечно...».

Она снова взглянула на Таку. Глаза ее проследили изгибы его тела, выследили печаль, спрятанную в складках рта.

— «...и тогда к тебе вернется смех, и я клянусь перед Айхею, что я верну радость в твою жизнь».

Эланна протянула к нему лапу.

— Радость и любовь, милый мой! Любовь, что будет жить в моем сердце до его последнего удара. Любовь, что не будет обращать внимания на твои неудачи, и будет возносить тебя вверх, пока другие станут свертать тебя вниз. Любовь, что не смотрит на шрамы, но видит красоту! О боги, посмотрите на него! Своими печальми он обрекает себя на раннюю смерть, а они лишь насмеются над ним!

Лисани начала плакать и утирать щеки Эланн от слез.

Эланна изо всех сил пыталась успокоиться и продолжить рассказ.

— «Земля умирает», — сказал Негеб, — «и я умираю с нею. Здесь не следует оставаться».

«Возможно, Создатель проявит милосердие к тебе ради меня. Я останусь».

И так они, наконец, стали супругами. И Айхею увидел истинное раскаяние в сердце льва — и смягчился. Он разрешил Тому-кто-приносит-дождь вернуться и сделать землю снова обильной, как раньше, и позвал назад зверей и птиц. О, как это было прекрасно, дети мои!

Ее глаза видели пустынную землю вокруг нее, видели деревья без листвы, что умирали от сухого ветра.

— Когда упал дождь, и его запах был чудесен. Сухая земля вобрала влагу и травы снова зазеленели!

Взмахнув лапой, она подняла пыль земли.

— Увидеть бы зеленую траву и цветы хотя бы еще раз. Ощутить капли дождя на шерсти и смотреть, как наполняется водопой, как он становится шире и глубже — таким, каким был во времена моего детства. Помните, как воды были настолько глубоки, что достигали корней кустов на берегу? Помните?

— Я помню, — ответила Лисани, беззвучно роняя слезы. — О, Ланни!

— Вы только посмотрите на меня. Я говорю, как старая львица, которую настигло слабоумие. Я так никогда не закончу этот рассказ!

— Ты не стара, ты не глупа, — сказал Того. — Не говори плохого о себе — это неправда!

Эланна погладила его.

— Не стара я, ты прав, конечно. Я лишь чувствую себя старой. Будь благословенно твое сердце, милый. Ты всегда был добр к твоей тетушке Ланни.

Она подождала немного, пока не обрела дух и способность продолжать дальше.

— Земля исцелила себя от этих шрамов, и Негеб стал вести себя достойно, правя со своей королевой Таши. И хотя Айхею благословил землю и ее жителей, каждый год он указывал зверям уйти на некоторое время, а Тот-кто-приносит-дождь прекращал дарить воду, чтобы напомнить Негебу его обязательства перед богами. И так оно есть по сей день.

— Така сделал что-то плохое? — Хабусу со страхом посмотрел на темного льва, что задумчиво сидел на скале. — И потому Айхею нас наказывает?

Эланна приблизилась к нему и пригладила за ушком.

— Нет, Хабу. Айхею не гневается на нас. Засуха — часть жизни, так же, как и дожди, что следуют за нею. Так Айхею напоминает о нашем месте в кругу жизни, напоминает о том, что все мы равны перед его взором, будь то король или мелкое создание.

Лисани посмотрела на Эланну, наострив уши.

— И напоминает даже львям?

Поцеловав ее в кончик носа, Эланна ответила:

— Да. Даже львям.

— И Таке?

— Конечно, и Таке тоже. Айхею всех нас любит, милая.

— Хорошо, — Лисани снова посмотрела на короля, который недвижно сидел, словно ожидая неведомого знака издали. — Надеюсь, Бог не будет слишком долго задерживать дождь. Думаю, Така уж забыл, что это такое.

Эланна снова поцеловала львят и глубоко вздохнула.

— Я тоже надеюсь на это, — молвила, постаравшись улыбнуться. — Давайте придумаем что-нибудь веселое? Как насчет песенки Суфы? Все знают как ее петь?

— Я! Я!

— Хорошо, Лисани. Что ж, поведешь нас?

Просияв от гордости, Лисани окинула взглядом своих зрителей. Глаза ее сузились — она, сосредоточившись, вспоминала всё необходимое — а потом вспыхнули огоньком. Она прикрылась от закатных лучей лапой, приложив ее к щеке, и начала:

Создатель, пусть встречу тебя на востоке!
Создатель, пусть встречу тебя на востоке!
Я молод, я приму тебя в сердце глубоко,
О Боже, желаю встретить тебя на востоке!

Она повернулась к закатному солнцу и дотронулась носом к земле, приложив лапу между ушами:

Создатель, на западе встретить мою душу
Создатель, на западе встретить мою душу
Я состарюсь, но любовь твоя мое сердце возрушит,
О Боже, на западе встретить мою душу!

Наконец, с простой, истинной верой, она перевернулась на спину и дотронулась к груди, возле сердца. Эланна и остальные следовали ее жестам.

Создатель, приди ко мне в это место!
Создатель, приди ко мне в это место!
И увижу я лик твой безмерно прелестный,
О Боже, приди ко мне в это место!

— Разве ж это не прекрасно! — Эланна несколько раз поцеловала ее. — И насколько ты уже взрослая! Не вздумай надолго пропадать из виду, а то совсем вырастешь, а я и не замечу!

Иша, которая пришла почти под конец песни, с ощутимым напряжением молвила:

— Пора умываться, Хабу. И тебе, Лисси, тоже пора.

— О, я могу с этим помочь, — сказала Эланна.

— Нет, не надо, спасибо, — словно откусив, ответила Иша.

— Нет, я действительно! Ты примись за Хабу, а я возьмусь за Лисани.

— Спасибо, моя госпожа, но нет. Разве если это прямой указ.

— Это вовсе не указ, конечно. Люблю я их, вот и всё, — Эланна пригнулась к земле. — И я думала, что ты любишь меня, Иша. Разве ты не помнишь, как я помогала тебе умываться после охоты? И ты говорила, что мы всегда будем друзьями! Разве забыла ты, Иша?!

Иша посмотрела вдаль, вздохнув.

— Пожалуйста, не надо всего этого перед детьми. Они ничего не понимают.

— Как и я. О Айхею, пусть кто-то объяснит мне! — сказала она, взглянув на львят, что грустно смотрели на нее. — Пока, мисс Присс. Береги себя, Хабу. Что ж, думаю, и остальным уже пора идти.

Взяв за собой Лисани и Хабусу, Иша ушла, а Эланна оставила Того и Комби. Она неслышно ушла, чтобы спрятаться в густых камышах.

Продельвая путь сквозь заросли, Эланна глядела на пыль земли. Слеза скатилась по щеке, на миг повиснув на усах перед тем, как вовсе исчезнуть в сухой почве.

— Айхею, Айхею, отчего ты оставил меня? Это наказание — слишком для меня, я не могу его вынести! Пусть же упадет дождь, Создатель! Пусть одна капля упадет на сухой язык моего супруга! Почему ты не слушаешь меня? О Боже, если есть надежда, так укажи мне ее! Не бросай меня, Создатель! Не бросай!

Подошли Того и Комби; они прильнули к Эланне, начали целовать ее и тереться о бока.

— Я думала, что вы пошли за Ишей, — молвила она, изумившись.

— Ланни, — сзади послышался голос Узури, — приглянешь за ними, пока я не вернусь? Я быстро.

— Зури! Ты что, что-то слышала?!

— Я услышала достаточно.

Эланна на миг сжала челюсти.

— Ты никому не скажешь, верно? Ты ведь хорошая, Зури. Ненавижу себя за то, что реву, как дитя, но иногда я чувствуюсь настолько подавленной, и кажется мне, что выхода нету совсем...

Дрожь проняла ее.

— Нала оставила прайд. О боги, Зури, если и ты оставишь меня, я сойду с ума! Просто упаду в безумие! Не бросай меня, Зури! Что бы ты ни хотела, я сделаю это! Отдам тебе свою пищу. Всё, что угодно, Зури! Только не оставляй меня. Прошу!

— Ты сказала, что сделаешь, что угодно? Так ты не против стать второй мамой для моих детей? Их нянькой? Если я умру, ты позаботишься о Того и Комби?

Подбородок Эланны вздрогнул, глаза наполнились влагой, слезы скатывались по щекам. Прошло несколько мгновений, прежде чем она смогла заговорить, и эти слова были такими:

— Люблю тебя, Зури! Я отдам им свою кровь, кровь милосердия, если будет нужно!

Она лапой обняла братьев и поцеловала их.

— Видишь, Узури, Бог не бросил меня!

— Конечно, — молвила Узури, утирая слезы Эланны.

— Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, знаешь ведь? Знаешь, что я готова на всё ради тебя, правда?

— Знаю. Теперь давай, голову выше. Ты ведь не желаешь, чтобы супруг увидел тебя в слезах?

— Нет, — она вздохнула. — Если увидит, то для него станет одной заботой больше.

Она глубоко вдохнула, медленно выдохнула, и улыбнулась.

Потерянный сын Амалкози

Всякий раз, когда Рафики приходил рассказывать истории, он брал немножко сушеного мяса для львят. Поэтому его всегда окружала большая толпа; но это также укрепляло сильные узы любви и доверия, которые делали Рафики полноценным членом прайда. Иногда, когда Рафики делал осмотр раненной львицы или массировал растянутые мускулы, ему приходилось дотрагиваться к больным суставам и животам. Всё это, и даже больше, он делал уже много лет, и его ни разу не укусили или поцарапали, несмотря на то, что его можно легко убить одним взмахом львиной лапы или укусом.

Рафики всегда радовался, когда его окружали дети. Ему нравились их шалости, он всегда смеялся над их шутками, несмотря на то, что он слышал их уж много раз. И в границах своей силы и выносливости, он играл с ними; ему приходилось указывать на эти границы каждому новому поколению. И нужно сказать, что среди тех многих фраз львиного языка, которые он успел изучить за свою долгую жизнь, чаще всего звучали: «Я люблю тебя», «Отпусти» и «Втяни когти, пожалуйста!».

Миша получала сушеное мясо, как и все остальные, но Рафики всегда хранил кусочек редкого корня тико лично для нее, как однажды делал это для Таки. Приняв лакомство, она всегда прикрывала глаза от удовольствия, наслаждаясь ароматом и вкусом, что проникали в нее. И сегодня он, как и всегда, прошептал ей слова «Миша, мабинти пенда», что означало «Миша, моя любимая дочь».

Она поцеловала его.

— Ты мой самый лучший друг. А моей матери ты давал корень тико?

Погрустнев, он ответил:

— Иногда. Хотел бы я в свое время дать ей больше...

— То есть?

— Я очень любил Муфасу. Когда он погиб, то мое сердце просто разбилось от горя, особенно потому, что Така вовсе не выглядел опечаленным. Я тогда не мог знать, что он виновен во смерти Муфасы, но всё равно я был крайне удручен, и сказал ему такие слова, которые его озлили. Он приказал меня стеречь возле этого дерева. И меня стерегли почти три года.

— Целых три года? — она прильнула к нему.

— Три года — это много, и тем более потому, что я уже начал стареть. Из-за него я потерял годы зрелости, и мне кажется, что он хотел бы меня сделать пленником на всю жизнь.

Рассказывая, он ненамеренно начал гладить ее:

— Я не видел, как твоя мать достигла совершеннолетия. Я не мог быть там, с Налой и Хабусу, и мог лишь думать о бедном Симбе, который бродил по джунглям, словно потерянная душа! Я пытаюсь с мудростью воспринимать всё то, что произошло, и продолжаю жить, но иногда мне слишком трудно. Но только пусть

хоть кто-то попробует обидеть мою маленькую девочку, и он узнает, что такое страх! Я сдвину горы и небеса ради моей маленькой Мисси.

Он обнял ее.

— Наверное, я отдаю тебе всю любовь, которую хранил в себе все эти одинокие луны. Знаешь, я однажды смог придумать план побега с этого баобаба, чтобы больше никогда не возвратиться. Но теперь я волен пойти куда угодно, и во что смешно — я просто не могу найти для себя жилища лучше. Думаю, что я сам со всем этим не справлюсь. Ты должна мне помочь.

— Как?

— Ты будешь дарить мне теплые воспоминания, и они смоют прочь плохие. Это легко. Видишь, ты вот прямо сейчас это делаешь.

Он дал ей еще один кусочек корня тико и молвил:

— Ой, что же я делаю. Еще испорчу твой аппетит, и ты не захочешь есть мяса.

— Спасибо, Рафики.

Проглотив лакомство, она снова в наслаждении прикрыла глаза.

— Расскажешь мне историю?

С улыбкой он посмотрел на нее, но в этой улыбке была и доля укора.

— Ты забыла поблагодарить Айхею за еду.

— Но ведь это *ты* мне ее дал.

— Верно, но когда хорошо подумаешь на этом, то поймешь, что все блага идут от Айхею, — сказал он. — Вот, у меня есть как раз подходящая история, Мисси. Слушай внимательно и кое-чему сможешь научиться у старой, глупой обезьяны.

Король Амалкози, сын Бабы, имел сына по имени Зара. Амалкози любил Зару глубочайшей любовью. Он отдал свое сердце супруге и сыну, и к Айхею, которого он не видел, любви не питал.

«Ты должен благодарить Создателя за пищу перед тем, как приняться за нее», — так предупреждали шаманы Амалкози. — «Он ее тебе дал, и опасно пренебрегать этим».

«Я поблагодарю своих львиц перед трапезой», — ответил он. — «Это они делают всё для того, чтобы я не был голоден».

И в один прекрасный день, когда Зара играл со своей сестрой Мхету, огромный орел устремился с небес и схватил его. И, прежде чем Амалкози смог что-то сделать, он с криками улетел.

— Как ужасно! — Миша прижала уши.

— Не спеши, милая, — сказал Рафики, погладив ее по щеке. — Еще не всё.

После этого, Амалкози печалился так, как не печалился еще не один лев на земле, ни до, ни после. И когда шаманы сказали ему, что это Создатель забрал его сына, он с яростью прорычал, что раньше он пренебрегал Богом, но теперь будет ненавидеть его, имея на то все причины. На шесть лет имя Айхею было корбаном в его присутствии, и он не благословлял львиц перед охотой.

Однажды появился на его земле один лев, который желал видеть короля. Он сразу же обратился по имени к Бависи, брату короля, и так же знал имена остальных. Бависи испугался и начал подозревать, что здесь имеет место какая-то магия.

Бависи уклонился своему брату-королю и молвил: «Странный лев никому не желает открывать своего имени кроме короля». Король Амалкози подумал, что его хотят вызвать на поединок, и вышел, чтобы поприветствовать чужака добрым словом, и в то же время намереваясь оценить его силы.

Но когда странный лев подошел к нему, Мхету, верная сестра уклонилась и молвила: «Смотрите, это он, Зара, который однажды потерялся для всех нас, но теперь он тут. Посмотри, мой король, мой брат, что был львенком, вернулся львом!». И король пригляделся, и вдруг заметил шрамы от когтей на его спине, и так понял — это его сын. Он заплакал и пал на землю, протянув лапу к небу и благодаря Айхею за милосердие. И Амалкози огласил указ, что все львы должны благодарить Бога перед тем, как приниматься за еду, и вспоминать о Создателе, когда отходят ко сну.

Вот это, дитя мое, и есть суть истории. Айхею любил Амалкози и вернул его сына *прежде*, чем он раскаялся, ибо Айхею любит своих детей.

— Но почему он приказал орлу забрать его сына?

— Айхею ничего не приказывал орлу. Но если бы Амалкози взмолился к нему и попросил помощи, то ему вряд ли пришлось бы ждать шесть лет.

Миша быстро поклонилась.

— Айхею абамами! На всё воля Айхею!

Она с застенчивостью, тихо подняла голову и молвила:

— Не хочу рисковать.

Спросите Йоланду

Йоланда пыталась уснуть. Она была уже в том возрасте, когда почтительно говорят «она смотрит на запад», и ей требовалось больше сна, чем раньше, когда ее осанка была стройной, живот — подтянутым, а поступь — бодрой.

— О, прекрасно! — сказала маленькая Миша, подбежав и потершись о ее щеку. — Ты не занята.

Вздыхнув, Йоланда перевернулась. Она улыбнулась, несмотря на боль, что пронизывала тело, и мягко придвинула к себе внучку и начала вылизывать ее.

— Ты что-то хотела?

— Это не так уж важно на самом деле, но я просто задалась одним вопросом...

— Каким? — Йоланда начала вылизывать Мишу между ушей, и левёна прикрыла глаза от удовольствия.

— Эти пятна. У меня больше пятен, чем у Ваджанжи. Я хочу, чтобы они пропали. Вот у моей мамы не полностью сошли пятна, а вот у Налы — пропали. Так что это, у меня тоже будут пятна всю жизнь?

— Надеюсь, — ответила Йоланда.

Такой ответ насторожил Мишу.

— Почему?

— Эти пятна остаются там, где тебя касался Айхею при твоём рождении. Он благословляет всех новорожденных.

— Ого, он точно меня не обделил благословением!

Йоланда улыбнулась.

— Если пятна остаются после того, как ты выросла, то это хороший знак. Это благословение, и я считаю, что они очень милые.

Пригнувшись к Мише, она сказала:

— Твой отец просто с ума сходил от пятен мамы. Львы полагают, что львицы с пятнами — особенные.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, на самом деле разницы нет, но зачем *им* говорить это? Послушай, если они у тебя есть, так пользуйся этим!

Йоланда зашептала ей на ухо:

— Ты только не говори никому то, что я скажу. Ты видела, сколько пятен у Иши?

— А то! — хихикнула Миша.

— Вот видишь, — Йоланда приласкала ее лапой. — Ты очень красива, и чем старше ты становишься, тем ты прекраснее.

— Эта Ваджанжа думает, что она одна такая умная и красивая! Но знаешь что? Она единственная, у кого нет отношений с мальчиками!

— Айхею абамами! — сказала Йоланда, рассмеявшись. — Для таких, как она, есть слова, и однажды, когда ты подрастешь, то ты услышишь их. Теперь помни, что всё это — между нами. Я тебе всё говорила, как львица львице. Хорошо?

— Конечно! — Миша поцеловала ее и потерлась о ее мордочку. — Люблю тебя, бабушка.

— И я тебя.

Миша радостно убежала прочь, а Йоланда с улыбкой наблюдала, как ее внучка исчезала вдаль. Потом она снова разлеглась и глубоко вздохнула.

Африканское солнце грело ее тело, приглушая боль в лапах и приглашая ко сну. Она перевернулась на спину, чтобы тепло проникло в живот, потом повернулась на бок — спать. Она закрыла глаза с довольным урчанием и расслабилась, ожидая, что вскоре сон унесет ее в свои мягкие, серые лапы. Какая тишина вокруг...

— Ой, хорошо, что ты еще здесь!

Йоланда медленно открыла один глаз. А там был Того, который несся к ней на всей скорости, и она успела вся поджаться перед столкновением. С горящими глазами Того вскарабкался прямо на нее, чтобы обнять ее большую шею и приласкаться к ней, выражая любовь и радость.

— Откуда ты узнал, хороший, что я как раз хотела чьих-то объятий?

— Наверное, просто догадался, — ответил Того, целуя ее теплым языком; ей снова пришлось улыбнуться, и он укрылся у ее груди.

— Где твой братец?

— Я тут! — отозвался Комби, взобравшись ей на спину. Он немного потоптался ей по ребрам, а потом улегся возле ее бока, прижатый лапой.

Комби внимательно наблюдал за кисточкой хвоста. Его терзало искушение броситься на нее.

— Я и Того как раз говорили о бурях.

— Скорее, спорили, — вставил Того.

— Какая разница. В общем, Того говорит, что молния — это падающие звезды, а я думаю, что это глупость какая-то. Все знают, что молния, это когда дождь загорается! Так и Ваджанжа говорит.

— Старая добрая Ваджанжа, — молвила Йоланда, вздохнув. — Гром и молния появляются потому, что Тот-кто-приносит-дождь рычит, чтобы предупредить Макеи. Он им сообщает, что готовится благословить землю. Макеи терпеть не могут дождя, ибо он благословенен, а потому им приходится его избегать. Но Тот-кто-приносит-дождь добр, и не причинит боли даже Макеи.

— Вау! — воскликнул Комби. — Мама была права. Когда у тебя есть вопросы, то надо спрашивать Йоланду.

— Хм, понятно, — сказала Йоланда. — Я тоже кое-что спрошу у вашей мамы, когда увижу.

Комби убежал по своим веселым делам. Того, увидев это, засуетился:

— Что ж, мне, наверное, пора.

— Счастливого, Того!

Того посмотрел в глаза Йоланды, и приблизился, а потом лизнул ее в нос.

— Мне надо идти.

— Понимаю, — молвила Йоланда, поцеловав его. — Возвращайся попозже.

Улыбнувшись, Йоланда положила голову на мягкую траву.

— Этот Того такой милый, — тихо сказала она себе. — Если бы я была на несколько лет младше, то хотела бы такого сына.

Возиться с детьми для нее было сущим удовольствием, и это стало ее обязанностью после утраты ею силы и скорости на охоте; все, кто не мог хорошо охотиться, оставались присматривать за львятами. Но иногда она всё же выходила на охоту, чтобы вспомнить молодость. Неделю назад она как раз поймала антилопу, и это отлично повлияло на ее самооценку. Но сейчас ей нужно только одно — хороший сон.

— Милосердный Айхею, — прошептала она. — Я люблю их всех, но можно мне немножко поспать? Вспомни о старой Йоланде, которая любит тебя.

Лисани тихо, неспешно подходила к ней. Йоланда посмотрела вверх и вздохнула. «Наверное, с возрастом у тебя тоже проблемы со слухом? Пожалуйста, Айхею, вот зачем так?». Она посмотрела на Лисани, снова заставив себя улыбнуться.

— Ты пришла услышать от Йоланды историю? Или у тебя просто какой-то вопрос?

Зевнув, Лисани ответила:

— Не сейчас. Я слишком устала.

Потершись о щеку Йоланды, Лисани тихо прилегла возле нее. Йоланда возложила лапу на Мисс Присс и радостно улыбнулась. «Спасибо, Айхею. С твоими ушами всё хорошо». И она с удовольствием мурлыкнула и, наконец, уснула вместе с маленькой, нежной Лисани.

Тропа павших

Биса была милой и веселой львицей, и все, кто глядел на нее, замечали, как сияют ее глаза, словно обнимая теплом. Она также была хорошей и терпеливой матерью, и все, кто знал Бису, истинно любили ее. И когда полная луна освещала ветви акаций серебряным светом, яростный слон растоптал ее тело и оставил умирать.

Маленькая Лисани прижалась к своей тете Ише, дрожа. Смерть ее матери была для нее чудовищным, невообразимым ужасом, который рассек пополам ее детскую душу.

Когда Лисани осталась наедине с Ишей, она нашла в себе силы задать вопрос — *главный* вопрос.

— Как это случилось?

— Мы охотились всю ночь, но к полночи не поймали ничего. В лунном свете мы увидели вдали небольшое стадо слонов, но Узури сказала нам не трогать их. Но ты ведь знаешь свою маму: Биса увидела, что слоненок отошел слишком далеко от своей группы, и подумала, наверное, что сможет его отрезать от стада и отогнать к нам.

Узури прорычала нам разбежаться в линию. Перед тем мы шли в три ряда; Узури хотела повести левое крыло, а Биса должна была выслеживать впереди. Но

она нигде ее не увидела. Она спросила нас, не видели ли мы твою маму, но никто не заметил, куда она делась.

А потом Малэйка увидела ее. Там была большая слониха, что медленно подбиралась к Бисе сзади. Узури прокричала ей «Осторожно!», но когда твоя мама обернулась, то было поздно. Слониха ударила ее и бросила, как ветку, а потом растоптала.

Лисани глубоко вдохнула, а потом раздался ее пронзительный крик. Со слезами на глазах, она бегала кругами, не переставая кричать, а потом так сильно укусила себя за лапу, что на шерсти выступили капли крови.

— О боги! — почти в безумии кричала она. — О боги! Мама! Я люблю тебя, мама! О боги, она растоптала тебя! Боги! Я люблю тебя! Люблю, мама! Слышишь меня?! Люблю!

— Тихонько, родная, — Иша остановила ее своей сильной лапой и прижала к себе. — Шшшш, милая. Иди ко мне. Иша с тобой, Иша тут.

Укрывшись в мягкой шерсти Иши, Лисани рыдала, пока ее тетя мягко прилизывала рану на ее лапе. Потом рыдания перешли в тихий плач печали, который длился, казалось, почти вечность. На ночное небо пришли два брата, и давно уж перевалило за полночь. Иша понемногу дремала, но ее глаза ни разу полностью не закрылись.

Наконец, Лисани заговорила снова:

— Тетя Иша? Ты спишь?

— Нет, милая. Я не буду спать, пока ты не уснешь.

Лисани потерлась мордочкой о щеку Иши и несколько раз поцеловала.

— Я люблю тебя.

— И я тебя тоже.

— Береги себя, тетя Иша. Ты всё, что у меня осталось, — молвила Лисани.

— Если ты умрешь, мне придется охотиться самой.

Иша всплакнула.

— О, дитя. Что я слышу!

— Можно мне взглянуть на нее?

— Нет, Мисс Присс.

— Пожалуйста!

— Ее тело будет корбаном целую луну — таковы обычаи, и твоя мама хотела бы видеть, как ты их соблюдаешь. Я попрощалась с нею за тебя.

— Почему таковы обычаи? Да кто их создает? Така? Он правит отвратительно — все так говорят!

— Никогда не говори это при нем, а то не оберешься неприятностей. Но это не он встановил такие обычаи. Они появились давным-давно. Все мы возвращаемся в землю, из которой созданы наши тела, а наши души возвращаются к Создателю. Мы не вправе этому мешать. Айхею умен, он знает, что делает. Когда мы умираем, он подбирает нашу душу и берет к себе, и он никого не упускает — ни маленького, ни большого. И важно то, что смерть — это не конец, а продолжение пути. В этой жизни мы словно все переплываем большую, глубокую реку. Если ты ищешь путей, чтобы всякой ценой избежать смерти, то ты лишь плаваешь кругами, и никогда не достигнешь противоположного берега.

— Но она не была старой! Ей было суждено еще столько всего пережить! Это несправедливо!

— Согласна. Несправедливо. Но послушай, мое милое дитя: она оставила этот мир, и ушла в лучший. Ее жизнь была исполнена красоты и смысла, и она продолжает жить в тебе.

Иша поцеловала ее. Лисани же внимательно слушала ее слова.

— А что потом? После того, как умрешь? На что это похоже, что ты чувствуешь?

— Сложно сказать, Лисси. Но если Бог есть, то он добр. Если бы ты только могла пойти к Рафики. Думаю, ему больше известно об этом, чем кому-либо другому в прайдлэнде. Завтра я посмотрю, что можно сделать, попытаюсь договориться. Это самое меньшее, что мы можем сделать для тебя — всё это случилось по нашей вине.

Лисани улеглась возле Иши и Хабусу, и попыталась уснуть. Но сон не приходил к ней. Безусловно, ее не отпускала печаль, но еще к ней укрылась неуверенность. Казалось, что восход никогда не наступит, и теперь будет только вечная ночь ужаса. А потому она решила, что пришло время действовать.

Выждав, пока Иша и Хабу уснули, она пошла через спящую саванну к баобабу Рафики.

Охранник остановил ее возле баобаба. Гиен смотрел сверху-вниз на нее, не тая смешливости, но потом он узнал ее. Он протянул к ней лапу, а Лисани отпрянула назад, но он лишь мягко погладил ее щеку и плечо.

— Здравствуй, Мисс Присс. Мне так жаль. Знаешь, моя мать погибла, когда я был в точности, как ты.

— Погибла?

— Да. Меня зовут Крулл. Помнишь меня, правда?

— Иша говорит, что ты из добрых гиен.

— Что ж, рад это слышать. Тебе не следует здесь находиться после наступления темноты. Это опасно.

— Мне нужно видеть Рафики. Очень-очень нужно.

— Иша знает, что ты здесь?

— Нет. Ты не скажешь ей? Пожалуйста, не говори.

— Не скажу. Но здесь ночью всё равно небезопасно.

— Нужна помощь? — спросил один из подошедших охранников.

— Ага. Я думал, что мне тут конец, пока ты не подошел. Спаси меня!

— Ваша взяла, сир. Но вы ведь знаете, что ей нельзя здесь находиться.

Крулл выпрямился во весь рост.

— Идиот! Ты не знаешь, кто это?! Это дочь Бисы!

— Оу... — второй гиен, что вовсе не выглядел дружелюбно, внимательно посмотрел на нее. — Вот оно что. Мне жаль твою мать и всё такое. Но никто не может посещать Рафики: таково приказание Рохмах.

По-доброму, даже снисходительно улыбнувшись, Крулл сказал:

— Смотри сюда, дружок. Ты ведь не вздумал докладывать об этом, правда? Ибо если задумал, то мне придется тебя потрошить, пока ты не передумаешь. Ничего личного, знаешь ли, но мать этой девочки — мертва. Если она хочет увидеть Рафики, то она увидит Рафики. Так что, есть еще вопросы?

— Нет, сир.

Крулл проводил ее к дереву и начал наблюдать, как она взбирается вверх. Рафики спал, и когда Крулл разбудил его, он открыл один глаз и спросил:

— Чего надо-то?

— Тссс. К тебе тайком кое-кто пробрался. Это Мисс Присс.

— О, Лисани! Я тебя сразу не заметил! Ты заболела, дитя мое?

— Нет. Я насчет своей матери.

— А, так это она заболела? Сильно?

Раздался плач Лисани.

— Ох, Рафики!

— Она погибла, — сказал Крулл, склонив голову в скорби. — Растоптана на охоте.

— О боги! — оцепенел Рафики. Он вздохнул от ужаса, слезы наполнили глаза. Руки, что неистово тряслись, он приложил к щекам; казалось, он тщетно пытается осмыслить происходящее. — Растоптана? О, дитя мое! Мисс Присс!

Он снова вздохнул и полупшепотом, дрожащим голосом молвил:

— Нет...

Лисани начала рыдать.

— Слониха наступила на нее!

Рафики также начал безудержно плакать, обнимая ее и прижимая к себе. Он целовал ее, желая успокоить, но сам стонал в отчаянии. Лисани, еще дитя, могла полностью отдаться своей грусти, укрылась от мира возле его шеи, и ее слезы маленькой львицы капали на его шерсть.

Уши Крулла прижались, хвост опустился. Он отвернулся, одинокая слеза скатилась по его щеке. И он ушел прочь с дерева.

Целуя Рафики, Лисани тихо спросила:

— Что происходит, когда кто-то умирает? Тетя Иша сказала, что ты знаешь, ты должен знать.

— Я знаком с миром духов. И даже встречал Мано и Миншасу.

Он снял с шеи амулет и открыл его, взяв оттуда маленький клочок белой шерсти и показав его Лисани. Запах у него был львиный, но также у него был аромат дикого меда.

— Это — с гривы Мано. Он подарил его мне давным-давно, когда я был молод.

Обняв ее и сжав в объятиях, он продолжил:

— Когда ты умираешь, твой последний вздох возвращается к Айхею, и вместе с ним — твоя Ка. Сначала ты можешь взглянуть вниз и увидеть свое безвольное тело Маат, и ты можешь ощущать, что делают и говорят остальные. Поэтому столь важно выражать грусть и уважение, если кто-то умирает, чтобы они знали: при жизни они были важны для тебя, что их смерть — великая утрата для тебя. Но ты также должна дать им знать, что так и должно быть, что пришло их время уйти к Айхею, чтобы они не ощущали вины из-за того, что покидают тебя. Поэтому мертвое тело есть корбан на целую луну, хотя не только поэтому, это — лишь одна из причин.

— А потом что?

— Потом будет яркий свет, красивый свет, и он красивее света солнца, что пробивается сквозь штормовые тучи и освещает землю первыми золотыми лучами. Ты ощущаешь, что идешь навстречу этому свету, что ты идешь к нему; да, тебе будет казаться, словно ты идешь по каньону, и там, в конце — твой свет. Стены этого каньона укрыты яркими камнями, что переливаются разными цветами. Потом ты выходишь с каньона, и выходишь на широкий простор, ты больше не видишь стен вокруг, а вместо земли у тебя под лапами будут облака. И там, впереди, ты увидишь друзей, ожидающих тебя. Кое-кто из них будет тебе знаком. Остальные — нет, но они тоже будут приветствовать тебя. Знаешь, Акаси и Ахади наверняка встретили ее. И Муфаса тоже. Они подойдут к тебе, близко-близко, и дотронутся к тебе; тебе станет хорошо и тепло, ты больше не будешь ничего бояться, даже если очень захочешь. Потом ты подойдешь ближе к свету, и там будут Мано и Миншаса, белые лев и львица, которые проведут тебя в сам свет.

— Айхею?

— Да, дитя мое. Этот свет — от Создателя Айхею. И когда ты согласишься на него, на все твои вопросы будет дан ответ, а твое сердце преисполнится любовью и счастьем. Он позволит тебе испытать из большой молочной реки, которая поддерживает их благословенный мир среди звезд, — Рафики умолк и с тревогой посмотрел на нее. — А Иша знает, что ты здесь?

— Нет.

— Тогда тебе нужно сейчас же тихо уйти домой. Но я еще хочу тебе кое-что сказать.

— Что же?

— Старый Рафики очень сильно любит тебя.

Слеза скатилась по щеке Лисани.

— И я тебя люблю.

Посмотрев на выход из баобаба, Рафики сказал:

— Крулл, проследи за тем, чтобы она спокойно дошла домой, и не вздумай будить Ишу. Ей в эту ночь меньше всего нужны неприятности.

— Я лично прослежу за этим.

Первый красный знак

Мобута готовилась пойти на свою первую охоту в группе. Она достигла охотного возраста и хозяйка охоты одобрила ее участие; потому львица сильно волновалась. Ее впервые пригласили на сбор перед охотой, и это большой радостью для Мобуты, но еще, конечно же, она сильно переживала. Она настраивалась на убийство своей первой добычи; она надеялась поймать добычу, неважно какую, вспоминая, как мать учила ее охотиться. Но когда она была лишь ученицей, хотя и способной, она не могла использовать на практике то, что знала, и вкушать первую кровь. Она сильно желала сразу же получить признание, и расслабиться, довольствуясь собою. И, как это всегда бывает, лапы ее дрожали.

— Послушайте, сестры! — радостно воскликнула Адженти, шумно выйдя из кустов. — Я это видела!

— Это? — спросила Сарафина.

— Величайшее из великих предзнаменований!

— Какое? Какое же?! — взволновались сестры по прайду.

— Разве не знаете? Или не желаете мне верить? Есть много белых зебр с черными полосками, но лишь одна — черная зебра с белыми полосками. И она сейчас на восточном лугу!

— Черная зебра! — с трепетом молвила Сарафина. — Нет, не может быть!

— Такое видали во времена моей матери, но очень редко, — сказала Узури. — Мобута, ты принесла нам удачу. Вот что скажу: тебе следует поймать ее. Если так будет, то твои сыновья будут великими королями и всяческие благословения падут на нашу землю, пока ты будешь жить.

— О боги!

— Но разве можно поручить такое юной львице? — спросила Иша.

— Так будет и так должно быть, — твердо ответила Узури. Она пригласила молодую львицу сесть возле нее. — Поскольку мы избрали для тебя такую важную добычу, чтобы ты вкусила свою первую кровь, то слушай внимательно. Ты не можешь охотиться на великую зебру в одиночку. Мы все, кроме тебя, поделимся на две группы. Ты будешь красться к ней со всем умением, а мы, как я говорила, поделимся надвое. Одна половина обойдет ее справа, вторая — слева. Когда подкрадешься настолько близко, насколько сможешь, то зарычи изо всех

сил: «Вперед, сестры!». Мы побежим и направим великую зебру прямо к тебе. И нетрудно догадаться, что ты должна сделать потом. Понятно?

— Да, госпожа. Я лишь надеюсь, что буду достойна этой большой чести.

Группа с привычной ловкостью разделилась на две части, и когда Мобута вышла вперед, одна часть направилась налево, другая — направо. Но как только Мобута скрылась с виду, они быстро развернулись на запад и соединились, скрывшись за кустами акации.

Иша начала смеяться:

— Знаешь, я бы не сказала, что обман дается тебе тяжело.

— Она будет благословенна до конца жизни, — хитро подмигнула Узури.

— И не только она, но и то, что там найдет.

Произошло всё то же, что и всегда происходит на самой первой охоте: сестры по прайду ушли на запад добывать пропитание и предоставили бедную Мобуту самой себе.

Вскоре они услышали громкий рев:

— Вперед, сестры!

Иша снова засмеялась.

— Вы только представьте себе, она на что-то наткнулась!

Узури посмотрела на Адженти.

— Проклятье! Теперь вся охота испорчена! Сейчас всё вокруг разбежится, куда глаза глядят! Видать плохо ты посмотрела, разведчица!

Адженти с негодованием ответила:

— Сегодня ночью луны вовсе нет! Ты что, думаешь, я Миншаса?

— Ладно. Что сделано, то сделано. Идем к Мобуте, пока она там не натворила чего.

— Вперед, сестры!

Узури легко помотала головой.

— Сегодня ночью пищи не будет. Вот вам и шуточки.

И они направились на восток, преодолевая сотни прыжков³. И довольно быстро они остановились в изумлении, глядя на поразительное зрелище. Мобута, сияя и тяжело дыша, смотрела на них, придерживая лапой мертвую зебру.

— Вы прекрасно сработали! Да вы представьте себе: они просто бежали повсюду! И, знаете, как вы и говорили, великая зебра бежала прямо на меня! Но, если честно, я не вижу разницы. Думаю, это обычная зебра. А вы уверены, что это та самая, великая?

— А... Дорогая, нам нужно тебе кое-что сказать, — отозвалась Иша.

— Да, — прервала ее Узури, быстро встав перед Ишей. — Без сомнения, это она самая — Великая Зебра. И поскольку это твоя первая кровь, что делает тебя львицей и нашей сестрой по охоте. Поскольку сегодня ночью твоей матери здесь нет, я приму за честь, если ты позволишь отметить твою щеку.

— Это будет честью для меня, — сказала львица с волнением радости.

Обмакнув лапу в теплой крови на шее, Узури дотронулась ею к щеке Мобуты. Когда она убрала лапу, то там остался хорошо заметный знак крови; капли с него падали вниз, на землю.

— Смотрите — вот львица! Айхею, благослови львицу! Мобута — сестра прайда!

³ В оригинале расстояние измеряется в «длинах» (lengths), т. е. в длинах львиного тела.

Все сестры подошли, обнимая ее и дотрагиваясь щекой к ее знаку крови. Мобута расплакалась от чувств:

— О боги, я самое счастливое создание на земле!

— Этот знак — твой первый шаг в жизни взрослой львицы, — сказала Узури. — Добро пожаловать, сестра по прайду.

Все львицы быстро пробормотали «Айхею абамами! На всё воля Айхею!» и быстро набросились на всё еще теплое тело.

Дар и Хабусу

Дыша медленно и ровно, Иша спокой и недвижно дремала на солнце; лишь бок двигался в такт дыханию. С тяжестью вздохнув, она приподнялась и перевернулась на правый бок, начав вылизывать правую лапу. В своих мыслях она проклинала засуху, которая ухватилась за их землю цепкой хваткой, и уже начинала верить словам гиен-прорицательниц о том, что из-за Таки на земли пало проклятие, а потому дожди не возвращаются.

Движение у входа в пещеру привлекло ее внимание. Взглянув, она увидела сына, который плелся к ней, усталый и весь в пыли.

— Привет, мам.

— Привет, малыш, — Иша лапой притянула его к себе и обняла, ласково уткнувшись носом в его бок.

— Ай! — вздрогнул он от боли.

Отпрянув, Иша посмотрела на него внимательнее. На боку у него была жуткого вида царапина.

— Это что еще случилось? Ты подрался?

— Нет, но мне этого хотелось, честно говоря. Комби толкнул меня, когда мы играли. Он и Того постоянно меня толкают.

Иша, закатив глаза, вздохнула.

— Уж эти двое! По крайней мере, рана не так уж плоха, милый.

— Да. Но мама! Там была Лисани!

Иша неслышно молвила: «Ох...».

Львенок злобно зарычал, когтями терзая землю:

— Как мне хотелось бы стать больше и сильнее. Я б тогда им показал!

Надоедливая муха летала вокруг; Иша прихлопнула ее хвостом, чтоб не мешала.

— И что бы ты им показал?

— Я бы исцарапал когтями их носы, вот что я бы сделал!

— Хабу, ты не такой, — донесся мягкий голос Лисани до его ушей, которая подошла к нему сзади. — Ты слишком хороший, чтобы быть грубияном, как они.

Уши Хабу прижались, он прижался к земле от смущения.

— Знаешь, мне иногда хочется стать грубым. Когда кто-то этого заслуживает. Если бы я был так силен, как Симба, я бы им ничего не простил.

Иша подмигнула ему.

— Когда-то один лев думал так же, как и ты, сын.

— Что?

— Он думал, что если он будет сильным и могущественным, то это решит все его неприятности. И он нашел способ, как стать самым сильным и могучим львом. И знаешь что? Он назывался Хабусу. Я тебя назвала в его честь.

— Да? — Хабусу прилег, как сфинкс, а Лисани с комфортом умостила-сь возле него. — Что он сделал? Оно сработало?

Иша, улынувшись, покачала головой.

— Не совсем...

Давным-давно лев по имени Хабусу жил со своей супругой где-то в бескрайних просторах саванны. Они были счастливой парой, но имели редкую возможность побыть вместе: Хабусу постоянно должен был заботиться о том, чтобы защищать свою львицу и землю от чужаков.

В один день он столкнулся с тремя братьями, которые подошли к нему, вызывая на битву. Хабусу дрался смело, но его победили; в конце-концов, он, израненный, в страхе убежал прочь, а те трое выкрикивали всякие обидные слова ему вслед.

Хабу нахмурился.

— Какие обидные слова?

Улынувшись, Иша ответила:

— Те самые плохие слова, которые говорят Того и Комби.

— Ааа! Вроде как...

— Нет-нет! Только не в моей пещере, пожалуйста!

Иша, кашлянув, продолжила рассказ:

— Хабусу пришлось убежать, а трое братьев забрали всё, что он имел: его земли, его пищу, даже его супругу. Заливаясь слезами, он шел, куда глаза глядят, кляня свою горькую судьбу. «Как хотел бы я отомстить тем, кто издевался надо мной!».

Вдруг из травы перед ним предстала темная львица. Темный окрас среди львиц — редкость; потому он воспринял это, как некий знак.

«Что с тобой случилось, странник?».

«Моя львица, моя земля — всё я потерял! Я бы что угодно отдал, чтобы за-получить всё назад, что угодно!».

«Ты сказал — что угодно? Если действительно желаешь мести, то иди к священному озеру Мара, и попей его молока; испив его, ты станешь, как Нисеи: бессмертным и неуязвимым».

Хабусу засомневался: «Это запрещено. Озеро существует лишь для духов, оно недоступно для простого льва».

«Разве ты глух к зову своей львицы, которую насильно забрали от тебя? Обычному льву не под силу спасти ее, но тот, кто получил благословение молоком, может очистить свою землю. Несомненно, сам Айхею с улыбкой будет смотреть на твои деяния!».

Но всё это была лишь ложь, ибо темная львица была одной из сильных Макеи — духов, что отделены от Бога. Озеро было запрещенным источником для смертных, и на это были серьезные причины. И всё же Хабусу отправился к озеру Мара, уверенный, что Создатель услышал его стенания.

Он столкнулся с многими препятствиями на своем пути, потому как Айхею знал о соблазнах Мары, и сотворил множество препятствий, чтобы оградить существа мира Маат от живительного источника жизни. Но Хабусу шел туда с чистыми намерениями, отправившись в путешествие исключительно ради любви к своей львице, и победил стражей, что преграждали путь к вожаемой цели.

— А что случилось потом? — спросила Лисани.

— Хабусу, в конце-концов, добрался к лесу, где находилось озеро, но его путешествие сильно утомило его. Он уснул в прохладе и спокойствии. На следующее утро его разбудил горилла Коко, который делал обход вокруг озера, потому

что именно Коко — наиболее верный страж Айхею. Именно он охраняет само озеро от смертных.

Собравшись с духом, Хабусу побежал к берегу.

Но Коко, преградив ему путь, яростно ударил его в грудь.

«Отступи прочь, лев!».

«Я хочу лишь испить из озера, друг мой. Я не желаю зла».

«Ты сможешь из него испить, но лишь тогда, когда присоединишься к великим королям прошлого в их вечном покое».

Хабусу зарычал, угрожающе и злобно: «Ты угрожаешь мне?».

«Милость Айхею, я не угрожаю тебе, но лишь предупреждаю тебя, как друга. Иди прочь отсюда, и найди себе счастье, ибо если ты всё же дерзнешь, то вместе с молоком ты здесь напьешься горя».

Зарычав на Коко, Хабусу оттолкнул гориллу прочь, ибо видел в нем лишь препятствие. Он подошел к озеру и начал пить. Когда он погрузил свои усы в молоко Мары, Коко с отчаянием воззвал к нему: «Ты еще успеешь пожалеть о том, что совершил!».

«Если это будут мои беды, то тебе нечего волноваться». Испив, он с довольством ушел домой. В ручье он увидел собственное отражение. Он стал белым львом, как Мано, его шерсть стала белой, как снежные вершины гор, а глаза — голубыми, как небо над головой. Естественно, все те стражи и враги, которых он повстречал на пути к озеру, склонялись перед ним и целовали ему лапы.

В конце концов, Хабусу пришел в земли, которые некогда принадлежали ему. Он нашел трех братьев и вогнал в них жутких страх, напав на них с великой яростью, и ей не было предела — он не боялся теперь ни клыка, ни когтя; бессмертный, как сам Мано, ему не могли причинить вреда создания Маат. Его враги решили убежать прочь, и он гордо предстал перед своей супругой. «Посмотри, любимая, посмотри — вот что я сделал!».

Страх и печаль пронзили ее. «О боги, — застонала она, — «что ты сделал с собою, лев мой?»».

«Теперь я, как Нисеи, свободен от всяких земных недостатков. Подойди ко мне, моя супруга, соединишь со мною, и мы будем жить в любви вечно!».

«Это невозможно! Когда-нибудь мне придется лечь на землю и отдать свою Ка на небеса, отдать ее Айхею, чтобы придти к нему в вечность. Супруг мой, ты оставил тот путь, по которому мы шли вместе! Разве ты не понимаешь, что в один день мы будем разделены, и не на время, а навечно?».

Это совершенно поразило Хабусу, его обняла печаль; он решил взмолиться к Айхею, чтобы он убрал дар назад, но Айхею сказал так: «Разве Коко, мой слуга, тебя не предупредил? Разве не рассказал, что последствия неизбежны?».

«Тогда позволь моей львице тоже испить молоко Мары».

«Что ты говоришь?! Разве я могу допустить еще одну ошибку?».

И они стали жить; время шло, она старела, а он оставался молодым. В конце концов, она состарилась. Пришел ее сезон, и он пришел к ней, мурлыча слова любви ей на ушко: «Пойдем займемся любовью».

Но она отказала ему, говоря: «Я устала, я слаба. Не могу я больше приносить удовольствие своему льву. Найди себе супругу помоложе, которая будет удовлетворять тебя, пока тоже не станет старой. Когда-нибудь ты забудешь обо мне».

Хабусу был изумлен ее словами. «Никогда! Никогда я не забуду тебя! И я останусь верным тебе, моя дорогая супруга, пока мы не объединимся в смерти».

«Мы никогда не объединимся снова. Ты избрал себе иной путь, и он разделит нас». Она нежно поцеловала его в щеку. «Прощай, моя любовь. Желаю тебе счастья».

«Куда ты уходишь?», — спросил он испуганно.

«Я отправляюсь на запад, где меня ждет Айхею», — она дотронулась к нему лапой, а потом умерла.

Хабу и Лисси прижались друг к другу.

— Айхею позволил ему умереть, правда ведь? — волновался Хабу. — Может, он раскаялся или совершил нечто очень смелое?

Иша поцеловала его.

— Дай закончить. Хабусу упал в отчаяние. «О, Айхею, если бы я погиб влюбой, даже самый странный и полный боли способ, я бы всё равно прочувствовал легкость освобождения!».

— Я знал! — воскликнул Хабу. — Я ведь знал, что найдется какой-то способ!

— Айхею отказал ему.

Уши Хабу прижались, он вздохнул.

— Это была грустная история.

— Погоди. Еще не всё.

— Он оживил ее? Они ведь вместе навсегда, не так ли? В этом ведь суть — в этом *должна* быть суть!

— Да кто же рассказывает историю? Ты или я? — поцеловала его Иша. — Затем он проснулся в лесу, возле озера Мара. Он посмотрел на лапу — она оказалась обычной, как всегда. А перед ним всё так же находилось озеро. Казалось, прошли долгие годы, но это был всего лишь сон, который подарил ему Айхею как последнее предупреждение.

— Да! — Хабу от радости лизнул Лисани в щеку, а потом подошел к матери, чтобы ощутить нежность.

— Коко заметил его и начал предупреждать его об опасности, но Айхею молвил ему: «Он прошел долгий путь. Пусть же утолит свою жажду».

«Спасибо, но я лучше не буду этого делать, Создатель. Разве что ты разрешишь мне это безо всяких последствий».

«Но если ты не желаешь пить, то есть нечто, что я могу сделать для тебя?».

«Да, мой Бог. Пусть я стану хорошим супругом и отцом, и буду править своей землей с мудростью и справедливостью».

«Ты избрал хороший путь, сын мой. Будешь ты хорошим львом, но также я помогу тебе защититься от твоих врагов на всю жизнь — враг больше не устроит твое сердце».

И когда Хабусу ушел от озера Мары, Айхею иссушил его, чтобы его дети больше не испытывали ненужных искушений. И с этого дня, если льва называют Хабусу, то тем самым выражают надежду, что он будет настолько же хорош, как и тот первый лев, в честь которого его назвали.

Иша поднялась и погладила лапой красивую мордочку сына.

— Именно поэтому я назвала тебя Хабусу. Я вижу любовь в твоём сердце, так же, как я видела ее в твоём отце... И где бы он ни был, я знаю — он гордится своим сыном.

Хабусу тихо сидел в объятиях матери, обняв лапой Лисани, которая глубоко мурлыкала.

Испытание любви

Зазу уводил Налу прочь от опасностей кладбища слонов. Они шли в без-опасные земли Прайдлэнда, к ее матери, которая наверняка защитит от всякой невзгоды.

— Добрый вечер, Сарафина. Не переживайте! Я возвращаю вашу маленькую девочку в полной целости и сохранности.

— Целости и сохранности? — улыбнулась Фини, но с тенью тревоги. — А что, были какие-то неприятности?

Нала застыла от страха, опасаясь, что сейчас всё станет известно.

— Ах, вы ведь знаете львят, — ответил Зазу, беззаботно облепив ситуацию веселым смешком. — Она зашла чуть дальше, чем положено. Возле водопоя всё получилось весьма глупо, да еще она начала охотиться за кроликами. Наверное, я слишком строг, но я отправил ее домой. Лучше быть опасливым, чем в опасности, как я всегда говорю.

Расслабившись, Сарафина перестала дергать хвостом, и он просто начал свои обычные, спокойные движения вверх-вниз.

— Согласна с этим, — Фини обняла Налу и погладила ее.

Нала поняла, что сегодня она избежала хорошей трепки. Она посмотрела птицу, которую совсем недавно обманула, дразнила, унижала и поставила в опасное положение, и тихо молвила:

— Спасибо.

Улыбнувшись, Зазу подмигнул ей.

— Ладно, мне пора. Я хочу полететь домой, навестить маму. От моего брата, скажем так, почти никакого проку. Он живет, считай, на соседнем дереве, а летает ее проведать реже, чем я. А мне-то лететь больше шести кварранов!

Фини с улыбкой сказала:

— Ты ведь хороший сын.

Нала горячо закивала, полностью согласившись. Несомненно, после этого вечера она пересмотрит свое отношение к Зазу и больше никогда не будет называть его «Додо».

— Мам, а шесть кварранов — это много?

— Это в два раза больше трех кварранов. Да откуда мне знать! — засмеялась Фини. — Что ж, Нала. Что это Симба хотел тебе показать? Это действительно оказалось интересным, как он говорил?

— Не совсем. Зазу правду сказал — всё получилось весьма глупо.

Она начала раздумывать о событиях дня, пытаясь найти нечто, о чем можно будет без опаски поговорить. Вдруг ее мордочку исказило раздражение.

— Меня кое-что раздражает, — молвила она, почесавшись за ухом.

— Что именно? — спросила Фини, вылизывая ухо, которое ей пришлось почесать. — Блохи? Я их терпеть не могу.

— Нет, я о том, что сегодня услышала. Зазу сказал, что я помолина с Симбой. Да, и еще он сказал, что мы когда-то поженимся и я ничего с этим не могу поделать.

— А, ты имеешь в виду «помолвлена», — она улыбнулась и прижала Налу к своему теплу. — Ты должна радоваться этому. Когда у Симбы будет посвящение, он приложит лапу к твоему плечу и спросит тебя, желаешь ли ты стать его супругой. И если ты согласишься, то станешь принцессой, а потом и королевой земель прайда.

— Вот зачем мне хотеть этого супружества с ним?

— Я-то думала, что он — твой лучший друг!

— Вот именно! Это так странно!

Сарафина мягко засмеялась.

— Пришло нам время поговорить начистоту. Побеседуем, как львица со львицей. Милая, это будет прекрасно, когда ты повзрослеешь и тебе захочется любви. Но дружба — это самое главное в супружеской жизни. Ты сейчас лежишь возле меня, тебе хорошо и безопасно. Когда-нибудь, когда ты станешь взрослой львицей, тебе всё равно захочется этого тепла, этой безопасности, и это именно те мгновения, когда ты лежишь, коснувшись его мягкого, теплого тела и слушаешь его сердце. Когда ты устанешь, охотясь всю ночь и приглядывая за львятами весь день, и твои глаза укроются пеленой усталости, он посмотрит на тебя и молвит: «Моя прекрасная Нала». И ты будешь знать, что он сказал это от чистого сердца. Это будет многое означать для тебя. И когда он придет с обхода, с пылью на лапах и с травой в гриве, ты скажешь ему: «Мой любимый Симба». И он тоже будет знать, что ты говоришь от сердца, — Сарафина закончила и поцеловала Налу.

— Что же я буду делать с множеством шумных детишек? — спросила Нала, вовсе не думая о себе, как о маленькой, ведь ей уже целых три месяца.

Сарафина мечтательно поведала ей:

— Ты будешь умывать их, целовать, приглядывать за ними и кормить их прохладными вечерами; они, такие маленькие и милые, будут пить твоё молоко, и еще ты можешь рассказывать им разные истории... — она придвинула Налу к себе еще ближе и начала гладить. — Знаешь, я вот прямо сейчас желаю рассказать тебе одну историю, если хочешь.

Потеревшись о мамину щеку, Нала ответила:

— Конечно, мам.

— Однажды жил-был король по имени Камамбэ, которому Создатель подарил большое потомство, но всё оно состояло из дочерей. После того, как у него и в третий раз родились лишь дочери, он начал беспокоиться, что у него не будет наследника. Он решил, что передаст правление любому молодому льву, который будет достоин стать супругом его старшей дочери Насабы.

И приходило много львов, которые приходили с целью добиться дочери короля, но ей никто не нравился, и всех отправляла она прочь. Насаба была хозяйкой охоты, прямо как Узури. Она жила ради охоты и не желала принимать на себя обязательств королевы. Избалованная, она привыкла получать от родителей всё, что пожелает. Ее вовсе не прельщала идея покориться какому-то незнакомцу, который станет ее королем; также она говорила, что нет в мире такого льва, как ее отец. И если бы такой был, то она бы стала его супругой. Но поскольку такого нет, то ни один лев не добьется того, чтобы стать ее королем.

В один прекрасный день пришел принц Мохату, который решительно желал положить лапу на ее плечо. Она холодно восприняла его ухаживания, но это не остановило его; он видел в ней истинную красоту. Ее лик был, как солнце, а глаза — как звезды, а лапы стройны, как изящный тростник. Безнадежно влюбившись в нее, он просил ее лапы, желая, чтобы она стала его супругой.

Она ему отказала, как и многим, но для короля Камамбэ это было уж слишком, ибо ему нравился принц больше всех остальных. Именно его он видел правителем земли после своего ухода.

«Почему ты отказала ему?».

«С той же причины, по которой отказывала остальным. Никому я не отдамся, даже если ко мне бы пришел сам Мано и представил своего сына».

«Но ты не можешь так поступать! Разве можешь ты позволить умереть своему отцу без покоя? Пообещай мне, что устроишь ему, по крайней мере, испытание. Дай ему шанс, и если он не справится, я отправлю его прочь».

И ради любви к отцу, Насаба согласилась. Но она решила выдумать такое испытание, которое заведомо не пройдет ни один лев в мире.

Она подошла к принцу Мохату и сказала так: «Если желаешь стать моим львом, ты должен принести знак своей любви. Пересеки Реку Смерти и Пустыню Печалей. Там ты увидишь Гору Безнадежности, и на ее вершине растет дерево с розовыми цветами. Возьми один и принеси его назад в целости и свежести, как знак своей любви. И тогда я буду твоей».

Река Смерти недаром носила свое имя, ибо была очень глубока и широка, а потому ни один лев не могу ее переплыть. Но он был полон любви, он прыгнул в нее, и плыл, плыл, пока силы его не покинули. И когда он начал тонуть, Мохату воззвал к Айхею: «Создатель, если ты видишь мои усилия и принимаешь их, то помоги мне!».

Айхею услышал его мольбы и послал к нему четырех больших черепах. Мохату встал на их панцири, как на камни, и его перенесли на другой берег.

Перед ним предстала Пустыня Печалей. И она вполне оправдывала свое имя — это была жестокая, безжизненная земля. Никакой лев не мог пересечь ее. Но он был полон любви, и он отправился вперед, и шел, шел, пока солнце не выжгло из него все силы и не иссушило ему горло. И когда он пал на песок, то воззвал к Айхею: «Создатель, если ты видишь мою борьбу и принимаешь ее, то помоги мне!».

И снова Айхею услышал его мольбы и послал Того-кто-приносит-дождь, чтобы над ним воцарилось облако и дало ему тень. И поскольку его мучила жажда, то облако посылало дождь до тех пор, пока он не напился. Так он смог пересечь пустыню.

Так он пришел к подножию Горы Безнадежности. И она по праву носила свое имя — ее склоны были крутыми и опасными. Никто из живущих львов не мог взобраться на них и выжить. Но он был так полон любви, что начал свой путь вверх, и он взбирался, взбирался, пока не оказался над пропастью. И в третий раз Мохату воззвал к Айхею: «Создатель, если ты видишь мое сражение и принимаешь его, то помоги мне!».

Когда он так сказал, то прилетел орел с горы, и в его клюве был розовый цветок! Этим орлом оказался сам Айхею, и он молвил: «Еще перед тем, как ты взывал ко мне, я с благосклонностью смотрел на твое желание, иначе ты бы не зашел так далеко. Потому я благословил этот цветок, и сколько будет жить твоя любовь, до тех пор не увянет цветок».

«Тогда он не увянет никогда, уверяю!».

Камамбэ, узнав всё, опечалился, и ходил кругами из досады. «Дочь моя, ты отдала в лапы смерти хорошего и достойного льва! Это то же самое, если бы ты изгнала из него жизнь своими же клыками!».

«Он мог отказаться от своего намерения, он мог уйти домой».

«Либо же ты могла стать его львицей».

Насаба была тронута грустью отца, ибо действительно любила его. Она так сильно любила своего отца Камамбэ, что считала остальных львов попросту недостойными. И молвила: «Я пойду и поищу его. Если он жив, то я стану его супругой».

Но Камамбэ запретил это делать: «Я не позволю пропасть дочери, которую так люблю. Если он вернется, то ты примешь его предложение».

Прошла неделя. Одна из сестер Насабы заметила льва, который шел к прайду с розовым цветком в зубах.

«Глядите, это наш принц!».

Насаба склонилась перед ним. «Благодарю Айхею за то, что ты возвратился!». Она вдохнула аромат цветка, и так Айхею открыл ей глаза на любовь Мохату, и она поцеловала его. «Я полагала, что на всей земле нету такого льва, как мой отец. Но ты любил меня даже тогда, когда я меньше всего заслуживала этого, а потому ты будешь моим супругом и королем. Твоя любовь истинна, как и то, что восход предвещает утро».

Нала с подозрением поглядела на мать.

— Надеюсь, всяких выводов из этой истории не будет, правда?

— Они будут. Не желаешь догадаться?

— Мне придется в один прекрасный день стать супругой Симбы, и всё потому, что ты так пообещала.

Сарафина легонько тронула ее лапой.

— Всё не так, как ты себе придумала.

— Ты хочешь сказать, что мне не придется выходить за него замуж? Тогда в чем суть истории?

Улыбнувшись, Фини ответила:

— Наверное, суть в том, что не стоит отворачиваться от кого-то без оглядки, не давая ему шансов — справедливых шансов. Тогда ты сможешь сделать хороший выбор. Хорошая моя, ты никогда не знаешь, какой знак любви тебе преподнесет Симба, возможно даже рискуя жизнью. Не спеши с этим словом «Нет», пока ты не вырастешь и не поймешь.

С востока шли Муфаса и маленький Симба. «Ему наверняка пришлось вытерпеть хорошую взбучку», — подумала Нала. Она подошла к ним настолько близко, насколько позволяла ее смелость, и внимательно начала наблюдать за ними. Но Симба и Муфаса, оказалось, улыбаются и беседуют. Симба уловил ее взгляд и на мгновение смотрел на нее с теплой улыбкой. Нала ощутила, что не сможет сдержать ответной улыбки, и ее хвост начал биться о землю. Она ощутила, как в сознание пришли стихи:

Сквозь травы однажды двое львят проходило,
Имя ей — Нала, и она так красива,
Ему имя — Симба, и мир ждет той зари,
Когда уйдут они к играм, но утонут в любви.

С улыбкой смущения, она молвила себе:

— Что ж, думаю, это *может* случиться...

Падение Макеи

Сверчки праздновали начало ночи громким трещанием, которое неугомонно стояло над саванной. Авина привстала и улеглась поудобнее среди камней Скалы Прайда, потому как один из острых камней ранее впился ей в спину. Довольно шевеля хвостом, она закрыла глаза.

Теплое дыхание заструилось по ее носу, а чей-то мокрый язык лизнул щеку.

— Привет, мамочка.

Авина, моргнув, повернулась.

— Привет, Сасси, — ответила и неудержимо зевнула. — Вы, девочки, опоздали. Я волнуюсь, когда вы опаздываете.

— Прости, мамочка, — сказала Эланна, вскарабкавшись на спину матери и улегшись возле сестрицы Сараби.

Замурлыкав, Авина сняла их и прижала к себе.

— «Мамочка»? А что случилось с «мамой»? Вы меня не называли «мамочкой» уж очень давно, — львица обняла своих детей, что лежали вместе, отдавая им тепло. Вдруг вспышка света пронзила мир, словно яркий белый коготь изодрал темно-синее небо.

— Что это было? — спросили девочки.

Авина внимательно посмотрела на небеса.

— Склоните головы, скорее! Поблагодарите Айхею за его любовь.

Они безропотно дотронулись мордочкой к лапе, молясь, пока Авина первой не подняла голову.

— Что это было, мама? Почему мы молились?

Авина потерлась мордочкой о щеку Эланнны.

— Этот свет — одна из потерянных душ, Макеи, которая всё еще ищет пути домой.

— Почему они потерянные?

— Они запятнали свои души, а потому им трудно следовать пути, который им указал Айхею. Но он всё равно протягивает им лапу. Он говорил им: «Очищение приходит изнутри, в чистом сердце и с искренним раскаянием. Вы подвержены собственной грязи, но также вы полны моего молока, и оно превзойдет всё остальное, если вы только позволите этому случиться. Помните, пребывая в своих потемках, что мой свет — с вами, он освещает вам путь истины».

Сараби задрожала.

— Это так печально. Мне их жаль.

— Это хорошо, доченька. Они ведь не желали быть плохими.

— Но как так случилось, что Макеи пали на землю с небес? Разве они не были там с королями прошлого?

Авина вздохнула.

— Макеи может взмолиться к Айхею, чтобы тот взглянул на его жизнь и поступки. Если Создатель видит, что его сердце чисто, то он очистит его Ка от грязи и подарит жизнь, настоящую жизнь в мире Маат. Но если он обманывает его, то от Айхею это не укроется. Его изгоняют назад, на землю, чтобы они дальше скитались без формы по земле, — лениво почесавшись, Авина начала вылизывать лапу. — Легенда гласит, что один из Макеи пал на землю прямо тут, создав Скалу Прайда.

— В самом деле?!

— Да. Видите ли, давным-давно здесь жил прайд, и здесь ничего не было, кроме равнины, полной трав. Это был сильный прайд с хорошим королем. В один сезон засуха была настолько сильной, что прайд начала мучить жажда. Король огласил, что большая часть пищи будет идти на пропитание львиц, что брали участь в охоте, а самая большая часть отдавалась той, кто поймала добычу.

Королевский сын, по имени Машлэйк, тогда был подростком. Он не умел хорошо охотиться, и поскольку его помощь на охоте была не большой, то такой же и была его часть пищи; а иногда ему попросту ничего не доставалось. Отчаявшись, он пошел отцу, чтобы он разрешил ему брать больше еды. «Твоя часть намного больше моей, а ты даже не охотишься!».

Король грустно поглядел на сына. «Я должен есть больше, чтобы поддерживать силы, потому что именно я охраняю нашу семью от алчных глаз ночи и даю тебе безопасный приют». Но король видел, как исхудал его сын, и глаза его повлажнели. «Я не могу смотреть, как ты страдаешь. Можешь брать мою часть пищи, когда остальные уснут и не смогут этого увидеть».

Машлэйк, тем не менее, не мог отобрать еду у собственного отца, и продолжал голодать. Наконец, одного дня он остался наедине с одной из львиц прайда, которая приглядывала за львятами; остальные же львицы ушли на охоту. Он вспылал гневом, когда увидел, как львята питаются ее молоком. «Даже *им* дано больше, чем мне, но ведь их жизни бесполезны», — подумал он. Гнев возрастал в нем, и он подошел к детям. Львица встала, чтобы остановить его, но он ударил ее, лишив чувств. Машлэйк схватил львят и начал свою безумную трапезу, насыщаясь их плотью; он съел их всех, пока не утолил свой голод.

Сараби и Эланна вздохнули от ужаса и задрожали, впившись в мать испуганными взглядами.

— Он *съел* их? Маленьких львят?!

— Именно, — грустно кивнула Авина.

— И что дальше?!

— Айхею предстал перед ним и схватил его; он ощутил жуткую ярость Создателя. «Что ты наделал?!», — спросил Айхею.

Машлэйк распростерся перед ним. «Мой Бог, я был голоден! Они ничего не приносили нашему прайду, лишь вытягивали жизнь из своих собственных матерей!».

«Никто не может «красть» то, что свободно дается, Машлэйк, и чья-то ценность не измеряется тем, что он может дать или уметь. Если было бы так, то я бы убил тебя в тот же день, когда ты был рожден, ибо ты жаден и бессердечен». Айхею взял Машлэйка за загривок, высоко поднял и выдернул Ка из его тела. А потом бросил душу Машлэйка к земле и разместил эту вот большую скалу над ним, чтобы он больше никому не причинил зла.

— Здесь?! — поразилась Эланна. — Ты говоришь, Машлэйк упал тут?!

Авина кивнула.

— Рассказывают, что его Ка всё еще спит где-то глубоко в земле, в пещерах позади Скалы Прайда, где он ждет на маленьких львят, которые дерзнут там гулять... и иногда, слишком любопытные львята действительно пропадают навсегда, — голос Авинины превратился в зловеющий шепот.

Вцепившись когтями в мать, Сараби испуганно спросила:

— А что с *н-ними п-происходит*?

— Хах, если они там бродят и шумят, то Машлэйк пробуждается и идет кушать-кушать-кушать! — Авина поймала Сараби и начала щекотать ей живот, отчего львёна запищала с довольным испугом.

Эланна засмеялась и передними лапами оперлась о маму.

— Мам, ну ты и обманщица!

Сараби дотронулась лапой к мордочке Авинины, всё еще смеясь.

— Ой, мама! Ну разве правдива эта история с пещерами?

— Ну, моя мать мне так рассказывала, — взмахнула Авина лапой, вздернув хвостом. — Кто знает. Одно я скажу наверняка: туда вам ходить не следует, хорошо?

— Хорошо.

— Это и тебя касается, Ланни.

— Да-да. Я всё поняла.

— Теперь подойдите и ложитесь вот здесь. Вам давно уже пора спать.

Львёны охотно подчинились матери, и уже очень скоро заснули. Пребывая в дреме, Авина всё думала о тех странных оттенках в голосе Ланни, когда она завершила рассказывать историю.

Пожав плечами, она прикрыла глаза и, слушая песни сверчков в ночи, уснула.

Эпилог

Макака прижался к Анасе, тихий, подавленный. Чума забрала в первую очередь Узури, которая была ему как мать, поскольку она была старой и слабой; но и многим другим грозила смерть. Вокруг него были больные львы. Они не были способны поймать достаточно еды, а потому существовала реальная угроза того, что если не чума, так голод приведут их в лапы смерти.

— Мне плохо, — пожаловался Макака.

Анаса коснулась его лба.

— Дорогой мой, всё в порядке, — лоб был сух и прохладен, и она вздохнула с облегчением. — Ты, верно, устал. Не надо так меня пугать.

— Я и подумать не мог, что заболēju, — вздохнул он. — Знаешь, когда-то всё был так, как мне хотелось. Я думал, что смогу создать планы на год наперед, на пять лет вперед, и даже придумал себе, где и как умру. Я полагал, что лягу на пике Скалы, посмотрю на восток и медленно отойду в вечность.

— А как же я?

Слезы увлажнили его глаза.

— Ты всё, что у меня осталось, ты и прайд, который стал мне семьей. Моя мать умерла, и я даже не знал ее, а отец никогда не заботился о мне.

— Ты уверен? Уверен, что он о тебе не заботился?

— Моя родная мать умерла, когда принесла меня в мир. А он лишь терпел меня. У меня есть старший брат, он меня любил. По крайней мере, я так думаю.

Анаса обняла его и так держала, словно боялась, что он исчезнет.

— Я не должна тебя ревновать, честное слово. Но люблю тебя всем сердцем. Макака, я тебе помогу с чем-угодно, всем, чем смогу, но лишь позволь мне предложить эту помощь.

Он сильно обнял ее и поцеловал.

— В последнее время тебе пришлось многое пережить из-за меня. Прости. Когда-нибудь я смогу поблагодарить тебя за всё. И будем вместе ты, я, и — когда-нибудь — наши дети.

— Наши дети, — молвила она, — вот в чем суть, муж мой. Ты должен узреть сквозь эти печальные дни, чтобы увидеть надежду в будущем. Только не отгоняй меня прочь, любимый! Я, возможно, поздно пришла в твою жизнь, но я просто не могу представить, что некто будет любить тебя больше, чем я.

— Знаю. Ты крайне важная часть моей жизни. Сейчас ты то единственное, что не дает мне полностью опустить руки, — он положил голову на ее плечо и медленно качался в ее объятиях.

Подбежала львица и начала умолять о помощи:

— Пожалуйста, Макака, пошли со мной, быстрее! Мои дети умирают! Они горят в огне, они в лихорадке!

— Они спят?

— Они что-то бормочут, но я ничего не могу разобрать, — она пала ниц перед ним. — Я всё сделаю! Всё! Я просто не могу больше выдержать!

— Если бы я мог делать чудеса, я бы спас львицу, что была мне матерью. Молись, и я буду молиться тоже. Айхею милостив, он нас не бросит в беде.

Львица посмотрела на него с отчаянием глаз.

— Будем надеяться, что не бросит.

Когда она ушла, он посмотрел на Анасу.

— Что я *могу* сделать? Я испробовал всё, что знаю. Только Айхею может нам теперь помочь, — и так он сел и начал молиться. А потом, посреди молитвы, он вдруг вспомнил. Он пытался делать всё, что знал. Но, возможно, есть еще одно средство.

— Мано! Миншаса! Взываю к вам! Мои давние друзья, я в полном отчаянии! Помогите мне! Сделайте со мною, что возжелаете, и я приму это!

Он пал на землю и расплакался.

Анаса ушла, чтобы приготовить ему ужин, но есть он не хотел. Он был близок к панике.

— Вот, попробуй. Твое любимое.

— Не хочу сейчас есть.

— Тебе надо есть, чтобы поддерживать силы, — молвила Узури.

— Да, мама.

Он в изумлении обернулся.

— Мама?!

Она подошла к нему и поцеловала.

— Узури просит тебя о том, чтобы ты помнил о главном. Даима пендана — любите друг друга.

И, прежде чем он смог ответить, она прикрыла ему рот лапой и указала на большой куст.

Когда Макака подошел к нему, то старый мандрилл дотронулся к его плечу. Он в удивлении обернулся.

— Бусара напоминает тебе, что тот странник, которому ты помог — друг, которого ты не встретил, — он приставил палец к губам и указал ему идти вперед.

Из куста вышла львица, когда он подошел прямо к нему.

— Асумини желает дать тебе совет: друзья в час нужды приходят оттуда, откуда не ждешь.

Он выслушал ее и тихо направился туда, куда она указала. К нему подошел белый лев и поцеловал его.

— Мано говорит тебе: в служении Айхею ты нашел свою истинную свободу.

Молодой, сильный мандрил, чьи жизненные силы возобновились, вышел вперед и обнял его.

— Рафики говорит тебе: слушай то, что встает Нисеи, и следуй своему сердцу.

Подошла к нему белая львица и нежно дотронулась к его щеке.

— Миншаса хочет спросить тебя: будешь ли ты делать то, чему тебя научили, верно и без гордыни?

— Так будет, — он возложил свою руки вокруг ее шеи Миншасы. — Помоги нам, прошу. Помоги мне, моя дорогая подруга!

Миншаса замурлыкала.

— Ты поможешь и себе, и многим вокруг тебя. Погляди на свою супругу.

Макака посмотрел на Анасу и вздохнул от удивления. Она была белой, совсем белой. Она ответила тем же удивлением, и он поднял свои ладони, которые — о, странность! — оказались так же белы.

— Добро пожаловать, Нисеи! Славьте повелителя Макаку! Славьте госпожу Анасу! Славьте же!

Маню молвил:

— С рождения ты был избран на путь целительства. И всякий раз ты оправдывал нашу веру в тебя. А теперь на земле пала чума, которая одолела всех.

— Но как?!

Рафики сказал:

— Разве я не говорил тебе слушать Нисеи и следовать сердцу?

Асумини молвила:

— А разве я не говорила тебе, что друзья в час нужды приходят оттуда, откуда не ждешь?

Подумав немного, Макака воздел руки вверх. Слова пришли к нему из глубин его духа:

— С востока я ветры призываю!

Сильный ветер пронесся над Землями Прайда, принося с собою аромат дикого меда. Он был полон жизни, и сделал всех, кто вдохнул его, сильными и здоровыми. Через мгновения послышался детский смех, и повсюду раздались молитвы к Айхею, ибо свершилось чудо исцеления, которое убрало всякую болезнь без следа.

Макака подошел той, что была ему вместо матери, и обнял ее шею.

— Прости же меня, прости! Прости, что не смог я сделать этого раньше!

— Не печалься. Я умерла так, как и подобает львице. Много лет я успела повидать и ушла, окружена любовью, свободная от боли и печали, — поцеловал его, она обернулась и также поцеловала Рафики. — Я так горжусь тобой, сын мой! Мы двое гордимся тобою.

Посмотрев на Маню и Миншасу, Макака сказал:

— Мне придется снова над землею, как вам? У меня не будет больше дома?

Маню улыбнулся.

— Теперь всякое место — твой дом. Время и пространство не будут тебе преградой. Кого ты пожелаешь видеть, того увидишь. Кого ты пожелаешь любить, того будешь любить. Когда пожелаешь пойти, туда и пойдешь. Я не забрал у тебя дом. Я дал тебе твой дом.

Макака улыбнулся. Когда он понял сказанное, то задрожал.

— Узури, ты всегда будешь мне матерью. Но есть кое-кто, кого я всегда хотел увидеть.

И Узури улыбнулась в ответ.

— Мне тоже всегда хотелось увидеть ее. И она пришла с нами. Дар исцеления существует для всех, и даже для самого целителя.

Эта последняя гостья вышла вперед; это была самка-мандрил.

— Когда я гляжу на тебя, во всей славе, я чувствую гордость за то, что отдала свою жизнь для того, чтобы ты мог жить.

Макака стоял, закусив губу, и слезы стекали по его щекам.

— Мама.

Он быстро посмотрел на Узури, а потом побежал к ней, крепко сжав в объятиях.

— Мама, не грусти! Я всегда любил тебя, и буду любить даже больше впредь!

Она же подошла и обняла Узури, погладив ее шею и щеку.

— Все мы — друзья. И среди Нисеи нет места ревности. Мы двое — твои матери — и всегда ими будем.

Бусара положил ладонь на плечо Рафики, а Мано потерся щекой с Миншасой. Подошел Угас и всем телом коснулся к Узури, Анаса взяла Макаку за руку, немножко сжав его ладонь. Кинара и Нима⁴ обнялись и улыбнулись. Теперь Макака стоял у входа в Королевство Света, и вдалеке раздался мягкий, добрый голос Айхею, который зывал к нему:

— Войди в земли мои, дитя. Пришло время узнать меня лучше.

— Да будет так, Создатель. Я иду!

Конец

⁴ Мандрилы Кинара и Нима впервые появляются во втором тексте цикла «Хроник» — «The Spirit Quest». Вождь Кинара и Нима — отец и мать Маккеди, наставника Рафики. Рафики же был лучшим другом и наставником Макаки; их обоих, в свою очередь, объединяли очень теплые отношения с Узури.